

Загадочный
псалом Макса
Фасмера и его
биографический
контекст

Der rätselhafte
Psalm bei
Max Vasmer
und dessen
biographischer
Kontext

**Марина Анатольевна
Бобрик**

Институт славистики
Берлинского университета
им. А. и В. Гумбольдтов

Marina Bobrik

Institut für Slawistik
Humboldt-Universität zu Berlin

Résumé

Im vorliegenden Beitrag wird ein in Altkirchenslavisch verfasster Text aus dem Nachlass Max Vasmers veröffentlicht und kommentiert.

Schlüsselwörter

Max Vasmer, Altkirchenslavisch, Kirchenslavisch, Psalm, evangelisch-lutherische Hymne, Universität Berlin, Freie Universität, Slavistik in Deutschland, Berliner Blockade 1948–1949, Russisches Institut an der Universität Stockholm

Предисловие

Публикуемый текст извлечен из той части личного архива М. Фасмера, которая принадлежала Институту Восточной Европы Свободного университета (Западный Берлин), а сейчас находится в архиве Берлинско-Бранденбургской академии наук (Archiv der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften). Одна из четырех институтских коробок (ныне коробка № 77 фонда Фасмера¹) некоторое время хранилась у Юргена Плена,² который и обратил мое внимание на писанный рукою Фасмера черновик небольшого текста на церковнославянском языке. В лингвистическом отношении этот текст примечателен как факт языковой индивидуальности слависта с русско-немецкой биографией; ценен он и как одно из свидетельств сложного шведского периода жизни ученого (1947–1949 гг.). Публикация включает в себя факсимиле и наборное воспроизведение текста, перевод его на русский язык, филологический и биографический комментарий. Благодарю архив Берлинско-Бранденбургской академии наук за предоставление копии публикуемого текста. За доброжелательную помощь в работе над биографическим комментарием я глубоко признательна У. Биргегорд, П. Брангу, Г. Кайперту, Э. Лёфстранд, Ю. Плену, М. Раммельмейеру, Г. Суперфину, Э. Тиммлер, Б. Тунберг, В.-Х. Шмидту, К. Эймермахеру и М. Юнггрену.

Текст

воспроизводится буква в букву, строка в строку

[...] – зачеркнуто автором

<...> – конъектура или замечание публикатора

---

¹ В дальнейшем в ссылках на фонд Фасмера (Nachlass Vasmer – NL Vasmer) в архиве Академии приводится только номер документа, как правило, без пагинации, так как фонд Фасмера еще не разобран и не обработан. При цитировании орфография и пунктуация источника сохраняются.

² Юрген Плен (Jürgen Plähn, род. 1935) в 1970 г. защитил диссертацию у ученика Фасмера Г. Бройера (см. о нем примеч. 31), в 1970–1976 гг. преподавал в Институте Восточной Европы Свободного университета. Автор книги “Современный русский церковнославянский как язык русской церкви” (“Der Gebrauch des modernen russischen Kirchenslavisch in der russischen Kirche”) (Hamburg, 1978), материалом для которой служили в первую очередь многолетние личные наблюдения над языком богослужения в берлинских приходах русской православной церкви (Ю. Плен был чтецом в Воскресенском соборе).

хвалѣ [възд] [въздакв] [поѣж] [поѣм] [поѣт оуста мога] и славѣ³ поѣж
 Господеви⁴
 , да сподоби мѣ недостойна раба св<оего> и⁵
 грѣшника оузрѣти чюдеса
 земли швейцарскыя⁶ [.] [да] причастна
 мѣ сътвори крѣпели [кзерныя] цѣльбынѣи⁷
 и избави мѣ отъ гибѣли въ
 пччинѣ кзернѣи. въведѣ мѣ невредима⁸ съ
 законнобрачныя сжржж <так! — см. комментарий> въ
 [домъ] кжштж плнж гостеприимства
 [и] богатж чады и дары [тѣле]⁹
 плътными и доуховными¹⁰
 Аминь. Въ лѣто д¹¹ по кончинѣ
 анѣтихристовѣ.

Перевод

Хвалу и славу пою Господу (за то), что сподобил меня, недостойного раба своего и грешника, увидеть чудеса земли шведской, привел меня к целебной купели и избавил от гибели в глубинах озера, и ввел меня невредимым вместе с законной супругой в дом, полный гостеприимства, богатый чадами и дарами вещественными и духовными. Аминь. В год четвертый по кончине Антихриста.

Филологический комментарий

Автор публикуемого текста “с детства владел русским и немецким” (“von Kindheit an des Russischen wie des Deutschen mächtig” [KIPARSKY s.d.: 10]¹²) и профессионально — старославянским. Отец Фасмера был немецким

³ и *славѣ* перенесено из следующей строки.

⁴ прописное Г исправлено из строчного.

⁵ *раба св. и* добавлено.

⁶ в последней букве по ошибке дважды написан знак йотации.

⁷ в написанном над зачеркнутым *кзерныя* слове окончание *-ѣи* смещено по отношению к остальной части слова; оно было исправлено отдельно, по всей вероятности, раньше, чем было принято решение заменить лексему.

⁸ *невредима* добавлено.

⁹ начато слово *тѣле*<сними>.

¹⁰ *х* исправлено из *о*.

¹¹ буква цифири надписана над строкой.

¹² О В. Кипарском см. примеч. 51.

коммерсантом из Альтоны (близ Гамбурга), приехавшим в Петербург в конце XIX в. Русского языка он не знал [АМБУРГЕР 1986: 16]. Что касается самого М. Фасмера, то, по словам О. Н. Трубачева (общавшегося с Фасмером во время его приездов в Москву в 1956 и 1958 гг.), “русский язык он знал и говорил на нем так, как говорят на родном языке” [ФАСМЕР 1986: 566]. В разговоре Фасмер пользовался, можно думать, устной формой литературного языка, в которой временного и культурно-исторического барьера между собеседниками можно было не почувствовать; новый разговорный язык советского города был ему незнаком. Именно об этом, думается, шла речь в разговоре, о котором О. Н. Трубачев рассказывает так: “Происшедший затем отрыв был для него отрывом от родины (так, запомнилось, что он трогательно и несколько забавно сокрушался, что из-за этого не знает, как он выразился, нашей “трамвайной терминологии”, и я до сих пор так и не понимаю, что же он имел в виду — лексику вождения трамвая, что сомнительно, или непринужденные трамвайные диалоги)” [ФАСМЕР 1986: 566]. Вряд ли имелось в виду что-либо иное, чем *трамвайный язык*. Как обозначение городского просторечия это слабо документированное выражение известно в черновом варианте “Люблю” В. Маяковского (1922): “язык-то трамвайный вы понимаете”. В беловом варианте оно было заменено на *язык трамвайский*, так как в контексте главы “Мой университет”, где город выступает собеседником лирического “я”, потребовался неологизм *трамвайский* ‘(язык,) которым говорят трамвай’, чтобы отличить его от *трамвайный* ‘(язык,) которым говорят в трамваях’ [ТРЕНИН 1991: 123 (примеч.)]: “Французский знаете./Делите./Множите./Склоняете чудно./Ну и склоняйте!/Скажите — /а с домом спеться/можете?/Язык трамвайский вы понимаете?” [Маяковский 1957: 282, 87]. Современные сочетания *рыночно-трамвайный*, *кухонно-трамвайный язык* в немногочисленных примерах из интернета имеют пейоративную окраску и подразумевают прежде всего просторечные, жаргонные области обиходного языка. В ученой (или учено-иронической) маскировке (*терминология* вместо *язык*) выражение *трамвайный язык* осталось для собеседника Фасмера нераспознанным.

Наглядной иллюстрацией двуязычия Фасмера может служить его речь 1. 10. 46 на ужине в честь русских (советских) деятелей искусства в “Культурном объединении демократического обновления Германии” (“Kulturbund zur demokratischen Erneuerung Deutschlands”¹³) в Берлине. В архиве Фасмера (№ 20) сохранился текст речи, написанный на небольших листочках в двух версиях — по-русски и по-немецки — как,

¹³ “Kulturbund” был создан в 1945 г. как межзональное культурное объединение; начиная с 1958 г. деятельность его ограничивается рамками советской зоны, а в названии Германия (*Deutschlands*) заменяется на ГДР (*der DDR*).

по-видимому, эта речь и была произнесена. Никаких отклонений от нормы ни в одной из двух версий нет. Во время съезда славистов в Москве (в сентябре 1958 г.) Фасмер пользовался обоими языками и, насколько позволяют судить опубликованные материалы, русским больше, чем немецким. По-немецки он говорил на открытии съезда [Отчет 1960: 44], по-русски — в дискуссии во время работы лингвистической секции [Материалы 1962: 96–97, 437–438] и в заключительной речи на закрытии [Отчет 1960: 98]. В этой последней речи Фасмера примечательно устаревшее обращение “Почтенное собрание!”. Его эпистолярный русский, если судить по единичным русским письмам академического архива, безупречен. Основная часть переписки, однако, ведется по-немецки. Создается впечатление, что к русскому языку Фасмер прибегал только в тех случаях, если считал, что для его корреспондента этот язык более удобен.¹⁴ На протяжении всей своей научной жизни Фасмер старался пользоваться в работе языком той страны, в которой в данное время жил и преподавал.¹⁵ Наиболее долговременным местом работы для него стал Берлин, а основным языком научного труда — немецкий. В работах Фасмера, написанных и изданных в России, в частности, в “Греко-славянских этюдах”, русский язык не свободен от немецких вкраплений, которые носят индивидуальный характер. Вот несколько примеров: “работа этого рода значительно затрудняется в виду отсутствия каких бы то ни было *Vorarbeiten* [подготовительных исследований]”, “заимствовано в эпоху, когда на греческой почве еще не произошла *Lautverschiebung* [передвижение звуков]”, “к более поздним и к более серьезным работам *Meuer*’а о латинских и романских элементах в греческом языке уже написан целый ряд ценных *Nachträge* [новых работ]” [ФАСМЕР 1909: 390, 399, 401].

Старославянский язык занимал постоянное важное место в преподавательской деятельности Фасмера. В Стокгольме наряду с лекциями по древнерусской литературе, польской исторической фонетике и морфологии он вел и семинары по старославянскому языку [BIRGEGÅRD 2005: 169]. Базовым пособием по предмету для него всегда оставалась книга “*Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache*” А. Лескина, которую Фасмер ценил за “ясное и компактное изложение” (*klare und übersichtliche Darstellung*) [VASMER 1957: 49]. Вслед за А. Лескином в немецкоязычных своих работах, в частно-

¹⁴ Так, если В. В. Виноградову Фасмер пишет по-русски (письмо от 5. 11. 1956, № 9), то В. М. Жирмунскому — по-немецки.

¹⁵ Став профессором в Дерпте (Тарту, 1918–1921), он принялся за изучение эстонского и в небольшой срок оказался способным сделать доклад на этом языке; в Швеции он некоторое время брал частные уроки у своей ученицы; доклад о Кирилле и Мефодии (1949) он делал по-шведски.

сти, в словаре и в отдельных заметках по этимологии старославянских слов [см. библиографию в: WOLTNER 1956: 1–22; WOLTNER 1963: 19–21], Фасмер называл старославянский, как правило, *Altbulgarisch* ‘древнеболгарский’, иногда *Altkirchenslavisch* ‘древнецерковнославянский’ и относил это понятие к сравнительно узкому кругу южнославянских памятников,¹⁶ рано отойдя от расширительного понимания в духе Ф. Миклошича.¹⁷ В рецензии на седьмое издание пособия Лескина, написанной для “*Theologische Literaturzeitung*” К. Аланда, Фасмер дает следующее определение старославянского языка: “Древнеболгарский, или древнецерковнославянский, есть основанный на одном из македонско-болгарских диалектов древнейший язык церкви у православных славян, влияние которого в Болгарии, Сербии и России ощутимо до сих пор”.¹⁸ Процитированная рецензия важна в связи с публикуемым текстом, также как источник сведений о том, какие пособия по старославянскому языку ценил Фасмер. Из новой литературы он рекомендует грамматики Н. Ван Вейка, П. Дильса, А. Вайана и В. Вондрака, специально отмечая у последнего “лучшее изложение старославянского синтаксиса” (*die beste Darstellung der altbulgarischen Syntax*). Уезжая в Швецию в конце сентября 1947 г., в чемодане № 1¹⁹ он увозил с собой оба словаря Ф. Миклошича (старославянско-греко-латинский и этимологический славянских языков, соответственно, №№ 1 и 2 в описи) и “*Handbuch*” Лескина (№ 9). В самом конце пребывания в Швеции, 24. 05. 49, в день св. первоучителей, Фасмер произнес речь о Кирилле и Мефодии. В его бумагах сохранился записанный им на девяти небольших листочках шведский текст речи (*Kyrill*

¹⁶ Г. Кайперт говорил мне, что такое понимание объема понятия и корпуса текстов унаследовала от Фасмера и его ученица и многолетняя сотрудница М. Вольтер в курсе старославянского языка, который она вела в Славянском семинаре Боннского университета.

¹⁷ Об изменении своей точки зрения на объем понятия “старославянский язык” Фасмер писал в предисловии к третьей части “Греко-славянских этюдов”. Расширительное понимание он считал недостатком вышедшей двумя годами раньше второй части “Этюдов”: “Старославянский язык там еще понимается точно так же, как его понимал Миклошич при составлении своего *Lexikon Palaeoslovenicum*, включая туда все средне-болгарские, древне-русские и древне-сербские памятники. Эту ошибку, поскольку я мог, я старался исправить в настоящей работе <...>, а по части старославянского языка — в подготавливаемой мною статье в «Славянской энциклопедии» [ФАСМЕР 1909: I]. Статья для основанной В. Ягичем “Славянской энциклопедии” в свет не вышла.

¹⁸ “*Das Altbulgarische oder Altkirchenslavische ist die auf einem mazedonisch-bulgarischen Dialekt beruhende älteste Kirchensprache der orthodoxen Slaven, deren Einfluß sich in Bulgarien, Serbien und Rußland bis auf den heutigen Tag nachweisen läßt*” [VASMER 1957: 49].

¹⁹ При выезде багаж Фасмера должен был пройти строгий контроль, быть описан и опечатан. Собственноручные описи содержимого чемоданов сохранились в бумагах Фасмера (№ 21).

och Methodi) и план-набросок по-немецки (Kyrrill und Method, № 58). По содержанию речь имеет общефилологический характер, но в ней есть и отдельные конкретно-лингвистические сведения и примеры,²⁰ что позволяет предполагать скорее профессиональную аудиторию.

По какому бы поводу ни был написан публикуемый текст, перед нами род ученого упражнения, хотя бы потому, что это текст на мертвом языке. В этом смысле текст Фасмера схож с такими опытами, как изготовленный Лескином старославянский вариант солдатской “песни фузильера Кучке” времен франко-прусской войны [см. KEIPERT 1993]. Фасмеровский текст, однако, никак нельзя назвать ученой шуткой, он серьезен.

Жанр текста с известной условностью можно обозначить как псалом. Начальное хваление характерно для целого ряда псалмов, ср. Пс. 100: 1–2 “Милость и суд воспою тебе, Господи. Пою и разумею в пути непорочне”; 103: 33 “Воспою Господеви в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь”; 137: 1 “Исповемя тебе, Господи, всем сердцем моим и пред Ангелы воспою Тебе”; 145: 1–2 “Хвали, душе моя, Господа. Восхваляю Господа в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь” и др. (см. Пс. 65: 2; 95: 2; 104: 2; 112: 1; 134: 3; 149: 1). Приведенный перечень параллелей, хотя и помогает подойти к жанру публикуемого текста, убеждает, однако, в том, что прямую цитату из церковнославянской Псалтыри (или другого обиходного текста) в его начальной фразе усмотреть трудно (наиболее близко Пс. 145: 2 “пою Богу моему”). Несколько ближе текст Фасмера оказывается немецкому переводу, принятому в протестантской церкви Германии при жизни Фасмера. Вот те же цитаты в тогдашнем виде лютеровского перевода (нумерация согласно протестантской Библии): Ps. 101: 1: “Von Gnade und Recht will ich singen/und dir, Herr, Lob sagen”; 104: 33: “Ich will dem Herrn singen mein Leben lang/und meinen Gott loben, solange ich bin”; 138: 1: “Ich danke dir von ganzem Herzen,/vor den Göttern will ich dir lobsingen”; 146: 1–2: “Halleluja! Lobe den Herrn, meine Seele! Ich will den Herrn loben, solange ich lebe,/und meinem Gott lobsingen, solange ich hier bin” [DIE BIBEL 1925]. Но еще больше сходства с основанными, как правило, на библейских текстах гимнами протестантского богослужения, в частности, с так называемыми гимнами славы и благодарения (Lob- und Dankliedern), в основе которых обычно лежат тексты Псалтыри. Как бы в ответ на призыв псалмопевца (singet ‘пойте’, lobet ‘хвалите’), эти гимны содержат презенс ‘пою’

---

²⁰ Так, говоря о том, что древнейший литературный язык славян был болгарский, Фасмер приводит ряд аргументов фонетического характера: “Wir wissen heute, dass diese älteste slavische Literatursprache das Bulgarische war (Beweise št, žd, ě = ä u. a.)” (Bl. 1; шведский текст Bl. 2).

(1 л. ед. ich singe) или ‘мы поем (хвалу) тебе’, ‘тебя благодарим’ (1 мн. ч. *wir singen dir, wir danken dir, dich loben wir* или безл. *man lobt dich*). Вот несколько примеров:²¹

*Ich singe dir mit Herz und Mund, / Herr, meines Herzens
Lust! / Ich sing und mach auf Erden kund, / Was mir von dir be-
wußt. — Ich weiß, daß du der Brunn der Gnad / Und ewge Quelle
seist, / Daraus uns allen früh und spat Viel Heil und Gutes fleußt
(П. Герхардт, на Пс. 34: 9);*

*Ich preise deine Güte / Mit dankbarem Gemüthe / Für diese
Wunderschaar; / Ich rühme deine Rechte / Für diese deine Knech-
te, / Die mich beschirmen vor Gefahr (из переложения гимна
Б. Шмолька);*

*Man lobt dich in der Stille, / Du hoherhabner Zions-Gott!
(И. Рист);*

*Herr Gott, Dich loben wir (М. Лютер, немецкая версия *Te Deum
laudamus*);*

*Herr Gott, dich loben wir, / Wir preisen deine Güte, / Wir rühmen
deine Macht / Mit herzlichen Gemüthe (И. Франк, на Пс. 9: 2–3)
[GESANGBUCH 1910: 15, 11, 18, 11, 14].*

Обычны для гимна такого рода и темы: благодарение, за которым следует перечисление чудес и даров, за которые автор благодарит. Заключительное *аминь* могло бы, казалось, дать основание видеть в тексте Фасмера молитву, но от этого удерживает прежде всего отсутствие такого необходимого для молитвы элемента, как обращение к Богу. В то же время скрепляющим *аминь* обычно завершается пение каждого гимна в лютеранской церкви. Сходство фасмеровского псалма с этим родом текстов проявляется и в дате, которая сообщается в конце и подчеркивает авторский характер сочинения, приуроченного к определенному моменту. Сходным образом гимны в протестантском молитвеннике обычно снабжаются указанием на автора и (так как дата создания обычно неизвестна) на дату его смерти. Авторами гимнов, процитированных выше, были, кроме основателя традиции протестантского церковного гимна М. Лютера, Пауль Герхардт (1607–1676), Беньямин Шмольк (1672–1737), Иоганн Франк (1618–1677). Современные гимны лютеранской церкви восходят к традиции внецерковных духовных песнопений, которые пелись в праздник, на погребении, во время военного похода, паломничества или морского путешествия. В этом ряду оказывается и псалом Фасмера, в котором он, очевидно, прощаясь

²¹ Тексты цитируются в орфографии издания с добавлением деления на строки (с помощью знака/).

со Швецией и готовясь вернуться в Берлин, приносит Богу благодарение. Таким образом, церковнославянский по языку, по жанру текст Фасмера оказывается сходным с лютеранским церковным гимном. Придавая своему тексту эту привычную для него как для практикующего протестанта²² форму выражения, Фасмер по какой-то причине прибегает к языку, который не был для него языком личного благочестия, но был частью его профессионального знания. Это обстоятельство заставляет думать, что вряд ли этот текст писался для себя, скорее он был адресован тем, кто был способен читать и понимать по-старославянски — коллегам Фасмера.

По языку текст Фасмера не похож ни на старославянскую “обманку”, ни на стилизацию. Графика псалма — смешанная: русская письменная XX в. в сочетании с буквами церковнославянской кириллицы. Совпадающие буквы старославянской и современной русской графики берутся в современном своем облике (в том числе *ы*) — обычная стратегия при беглом письме в профессиональном обиходе слависта. Признаков модернизации (например, “*и* краткого”) нет. В орфографии и морфологии ориентиром для автора служит норма старославянского языка. Об этом говорят такие явления, как использование йотированных букв (юсов и *е*), этимологическое употребление юсов (о *съ законьобрачьнѣжъ сѣпрѣжъ* вместо *съ законьобрачьноѣжъ сѣпрѣжѣоѣжъ* см. ниже комментарий), редуцированных (кроме пропуска в окончании 3 мн. [поѣт]²³ и в *оузърѣти* после *з*) и *ѣ*, южнославянская последовательность в сочетаниях с плавным (*плѣнѣжъ*, *плѣтьнымими*), форма двойственного числа (отвергнутое [вѣздакв]), нестяженные формы прилагательных (*плѣтьнымими* и *доуховьнымими*). В лексике Фасмер чуть более свободен: оставаясь в целом в рамках церковнославянского языка, он не всегда педантично следует лексикону старославянского корпуса текстов. Хотя прямых образцов жанра в славянской письменности и православном обиходе текст не обнаруживает, сам избранный автором язык несет с собой определенные модели сочетаемости — в псалме используются такие частые в церковнославянских текстах клише, как *воздаяти славу*, *воздаяти хвалу*, *недостойна раба*, *причастна мя сътвори*, *избави мя от гьбели*, *въ лето по коньчине* и др. В более крупных единицах синтаксиса в большей степени проявляется сконструированный характер текста. Перейду к более подробному комментарию.

²² С 1933 г. Фасмер принадлежал Церкви Исповедания (Bekennende Kirche) [Вотт 2009: 55] — той части протестантской церкви в Германии, которая начиная с 1934 г. открыто противопоставила себя национал-социалистическому режиму.

²³ Написание [поѣт] непоказательно, так как слово могло остаться недописанным.

хвалѣ... Господевѣ — следов работы над текстом больше всего в начале псалма. Фасмер сомневался в самой конструкции (*поуж/поужт оуста мога*), в глаголе (*поуж* или *възд<аю>*), в выборе числа — начатая было и затем зачеркнутая форма двойственного числа (*въздакв<ѣ>*) должна была относиться, очевидно, к Фасмеру и его жене Эльзе; форма множественного числа (*пожм<ъ>*) также была отвергнута.

хвалѣ... и славѣ — судя по изменению порядка слов, Фасмеру был важен ритм фразы.

да съподоби мѧ... и избави мѧ — Фасмер использует правильную, хотя и не очень распространенную в старославянских текстах и не употребительную в современном обиходном церковнославянском конструкции. Однородные сказуемые *съподоби... сътвори... избави* следует понимать как формы аориста 2 ед. Союз *да* в сочетании с аористом может принимать на себя роль показателя определенной логической связи между двумя синтаксическими единствами [Вайан 1952: 399]. В данном контексте *да* выступает в значении соотносительного причинно-следственного союза ‘(за то,) что’ (при том, что собственно причинное значение обычно выражается союзом *яко*). В синтаксическом разделе своей грамматики старославянского языка Вондрак иллюстрирует сходное *да* (считая его “скорее каузальным”) цитатой из Пс. 113: 5, посвященного переходу через Красное море: *что ты естъ море, да побѣже, и ты иердане, да възврати съя въспѣть* (Что с тобою, море, что ты побежало, и [с тобою], Иордан, что ты обратился назад) [VONDRAK 1912: 628]. В лютеровском переводе здесь используется конструкция “*daß* + прошедшее время (претеритум)”: “Was war mit dir, du Meer, *daß* du flohest, /und mit dir, Jordan, *daß* du dich zurückwandtest?” В лютеранских гимнах аналогичный конструкции “*da* + аорист” оборот “*daß* + прошедшее время” встречается нередко, причем многозначный, как и *да*, союз *daß* выступает в них именно в значении ‘за то, что’, ср. в одном из гимнов пасхального времени: “Gelobt, gelobt sei Jesus Christ, /*Daß* er vom Tod *erstanden* ist!” или особенно в одном из рождественских гимнов (на Пс. 68: 5): “Wir singen dir mit deinem Heer /Aus aller Kraft Lob, Preis und Ehr, /*Daß* du, o längst gewünschter Gast, /*Dich* nunmehr *eingestellet* hast” [GESANGBUCH 1910: 147, 105].

С точки зрения церковнославянского узуса более привычной в контексте фасмеровского псалма была бы конструкция “*яко сподобил мя еси* + инфинитив”. В старославянских текстах такие формы аориста 2 ед. часто (особенно у глаголов на *-ити*) заменяются перфектной перифразой [Вайан 1952: 382]. Форма аориста 2 ед. от *съподобити* в старославянском языке не засвидетельствована [AITZETMÜLLER 1977: 611], а

в Супрасльской рукописи и в более поздних церковнославянских текстах она обычно заменяется на *съподобилъ еси*. Так, в Супрасльской рукописи (Житие Кодрата) читается следующая молитва: **слава тебѣ бже ги ісхѣ. ꙗко и мене грѣшнаго и недостойнаго съподобилъ еси. имене твоего ради се все пострадати** [Заимов, Капалдо 1982: 225]. Ср. в русской обиходной благодарственной молитве после причащения: “Благодарю Тя, Господи Боже мой, *яко* не отринул мя еси грешнаго, но общника мя быти святынь Твоих *сподобил еси*. Благодарю Тя, *яко* мене недостойнаго причаститися пречистых Твоих и небесных Даров *сподобил еси*” [Молитвослов и Псалтирь 1988: 86]. Единичное употребление *да* в начале конструкции автор счел достаточным, зачеркнув второе *да* в *да причастьна ма сътвори*.

кжнѣли цѣльбѣнѣи — исправление из *кжнѣли кзерьныи* имеет два слоя: сначала было исправлено окончание — оно надписано на некотором расстоянии от *цѣльбѣнѣи*. Обе конструкции (“*причастьна ма сътвори* + Р./Д.”) в церковнославянском возможны. Продолжив фразу, Фасмер еще раз использовал прилагательное *кзерьныи*, и поэтому вернулся к сочетанию *кжнѣли* [кзерьн] *ѣи*, исправив теперь и основу. Слово *кжнѣль* известно в текстах как в значении ‘купанье’ (тж. в переносном смысле), так и в значении ‘водоем’, но у Миклошича только как ‘место купания’ (locus natationis) [SJS II 2006; Miklosich 1862–1865: 329]. В данном контексте *кжнѣль* ‘целебное купанье’ предпочтительно (‘целебный водоем’ можно было бы понять только в метонимическом смысле), тем более что синтаксический и смысловой параллелизм “рифмующихся” конструкций *причастьна ма сътвори кжнѣли цѣльбѣнѣи* и *избави ма отъ гибѣли въ пжчинѣ кзерьнѣи* также говорит скорее в пользу толкования существительного *кжнѣль* как *poen actionis*. Биографический фон первой части фразы прозрачен — имеется в виду излечение болезни глаз (см. ниже биографический комментарий). Первоначальный выбор определения *кзерьныи* позволяет догадываться о том, что лечение было водным (возможно, на целебных источниках, которыми славится Швеция).

избави ма... кзерьнѣи — сочетание *въ пжчинѣ кзерьнѣи* необычно для церковнославянского употребления; в текстах *пжчина* (если вообще имеет “водное” определение) обычно сочетается с прилагательным *морьскаѣ* [СлРЯ 11–17 вв. 21: 71]. Однако авторскому выбору определения нет оснований не доверять, речь, очевидно, идет об избежании гибели в глубоком озере. Это упоминание также, по всей вероятности, имеет под собой реальную основу. Со слов Франка Зигманна, ассистента Фасмера в период его работы в берлинском

Свободном университете, Ю. Плен рассказывал мне, что Фасмер был известен не только как хороший футболист, но и как любитель плавания. В Берлине он почти ежедневно ходил в бассейн.²⁴ В письме к Г. Грюнлер²⁵ из Стокгольма от 10. 07. 48 г. (№ 77) Фасмер писал:

“Тут у нас уже давно идут каникулы, но отдохнуть мы никуда не поехали. О таких вещах здесь нужно заботиться заранее, уже в мае, иначе ничего не получишь, тем более что мы надеемся летом быть в Берлине. Поэтому сидим в каменных стенах, без балкона, гораздо хуже, чем в Николас-зее.²⁶ По праздникам выезжаем за город, где очень красиво и можно чудесно плавать. В прошлое воскресенье я плавал в Залтсьобаден,²⁷ а моя жена смотрела с берега.”²⁸

съ законьнобрачньжжъ сжпржжж — в прилагательном Фасмер использует форму Т. = В., вариантную по отношению к форме Т. -оѣж. В старославянских памятниках отмечается колебание между этими двумя формами, что отражается в пособиях по старославянскому языку.²⁹ Чаше, чем в других памятниках, форма, использованная Фасмером, встречается в Супрасльской рукописи [LESKIEN 1969: 106]; Вондрак приводит примеры также из Синайской псалтыри [VONDRÁK 1912: 410–411]. Выбирая эту форму в качестве стандартной, Фасмер согласен, таким образом, с Лескином и Вайаном. Что касается замены Т. формой В. в окончании существительного ж.р. а-склонения (*съ... сжпржжж* вместо *съ... сжпржжгоѣж*), то это явление также известно старославянским текстам и также в наибольшей степени Супрасльской рукописи.³⁰ Возможно,

²⁴ О некоторых чертах Фасмера как преподавателя и как личности см. также [SIEGMANN S. D., 23–27].

²⁵ Гильдегард Грюнлер (Hildegard Grünler,?) — в то время, к которому относится цитируемое письмо, секретарь Славянского института Берлинского университета на Унтер-ден-Линден.

²⁶ *Николас-зее* (Nikolassee) — возникший на рубеже XIX–XX вв. зеленый, застроенный частными домами район на юго-западе Берлина, где жили Фасмеры (Teutonenstrasse 4, Libellenstrasse 2) и где оба они похоронены на кладбище тамошней лютеранской церкви.

²⁷ *Залтсьобаден* (Saltsjöbaden) — курортное место под Стокгольмом на берегу Балтийского моря.

²⁸ “Wir haben hier schon längere Zeit Ferien, sind aber nicht in die Sommerfrische gegangen, weil man hier so etwas sehr früh im Mai regeln muss u<nd> sonst nichts bekommt u<nd> wir hoffen ja im Sommer in Berlin zu sein. So sitzen wir, viel schlechter als in Nikolassee, ohne Balkon zwischen steinernen Wänden und fahren an Feiertagen in die schöne Umgegend, wo wir wundervoll schwimmen können. Letzten Sonntag bin ich in Saltsjöbaden geschwommen u<nd> meine Frau hat zugesehen”.

²⁹ См.: [ВАЙАН 1952: 145, 148 (только -жж); АИТЗЕТМÜLLER 1991: 130 (только -оѣж); LESKIEN 1969: 102 (-жж, вар. -оѣж); ХАБУРГАЕВ 1986: 169 (-оѣж, вар. -жж)].

³⁰ [LESKIEN 1969: 79–80; ВАЙАН 1952: 69, 118].

Фасмер лучше знал этот текст.³¹ Можно предполагать также элемент стилизации.

въ кжитж — выбор слова мог быть продиктован стремлением придать тексту “древний колорит”: нейтральное базовое слово *домъ*, которое есть и в русском, и в церковнославянском на всем протяжении его истории, заменяется на специфически церковнославянское (в данном звуковом оформлении) *кжита* в значении ‘дом’.³² Возможно, известную роль в выборе слова играли соображения ритма. Думаю, что имеется в виду дом немецких психологов-эмигрантов Давида и Розы Катц, у которых Фасмер регулярно бывал во время пребывания в Стокгольме. См. об этом ниже биографический комментарий.

гостеприимства — слово *гостеприимство* отсутствует в исторических словарях. В то же время в них можно найти другие способы выражения соответствующего понятия: *гостолубьство*, *гостолубивьство* [Миклосич 1862–1865: 139], *гостиньноприимство*, *гостолубик* [СДРЯ I: 372]. С уверенностью можно говорить только о том, что слово *гостеприимство* не встречается в старославянских текстах и потому не фиксируется в “Словаре старославянского языка”. Отсутствие его в других исторических словарях (Срезневского, Миклошича, “Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)”, “Словаре русского языка XI–XVII вв.”) менее показательны из-за неизбежной неполноты их данных. Наиболее ранний отмеченный лексикографами контекст взят из сатиры А. Кантемира [СЛРЯ XVIII в. 5: 194]. В. В. Виноградов [1999: 973, 1024] предположительно включал *гостеприимство* в ряд слов, которые были “занесены в русский литературный язык” “волной второго южнославянского влияния”. Будучи в тексте Фасмера, с точки зрения старославянского узуса, анахронизмом, слово *гостеприимство*, однако, очевидным образом связано с греч. *ξενοδοχία* и построено по продуктивной модели, распространенной в старославянских текстах [Цейтлин 1986: 176–190]. Фасмер, как кажется, не стремился искусственно ограничить

³¹ Своему ученику *Герберту Бройеру* (Herbert Bräuer, 1921–1989), которого Фасмер очень ценил, еще до Швеции он дал тему “Агнс в пассивных конструкциях” для разработки на материале Супрасльской рукописи. Впоследствии из этого развилась рекомендованная Фасмером к печати работа [Bräuer 1952]. Г. Бройер был следующим после В. Кипарского наследником Фасмера на его кафедре в Институте Восточной Европы Свободного университета (1964–1975). Вместе с М. Вольгнер он продолжил издание “*Zeitschrift für slavische Philologie*”, организовал завершение и посмертно издал труды Фасмера “*Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde*” (Bd. I–II, Berlin, Wiesbaden, 1971) и “*Russisches geographisches Namenbuch*” (Wiesbaden, 1964–1989), см. о нем: [BRANG, KEIPERT 1990; KÜRSCHNER 1994: 95–96].

³² [Миклосич 1862–1865: 329; SJS II 99; СРЕЗНЕВСКИЙ II 1384–1385; СДРЯ IV 342, где только ‘шалаш, хижина’; СЛРЯ XI–XVII вв. 8: 153–154].

возможности выражения в своем псалме лексикой старославянского канона, но ему было важно, чтобы слово имело корректный с точки зрения этимологии и словообразования вид. В отношении выбора слова ср. обычную для Фасмера формулу благодарности за гостеприимство в позднейшем письме гетеборгскому коллеге Г. Якобссону (от 16. 10. 56, № 9), написанном после возвращения из поездки по Скандинавии с докладами: "... die in Ihrem Hause genossene Gastfreundschaft nicht vergessen werden" (мы не забудем удовольствия, полученного в Вашем гостеприимном доме, букв. "... гостеприимства, которое доставило нам удовольствие в Вашем доме"). Ср. также в русской речи Фасмера (из речи на закрытии московского съезда славистов): "От имени западногерманских славистов разрешите мне поблагодарить господина Председателя и Организационный комитет за любезное приглашение на Съезд и за оказанное нам обычное московское гостеприимство" [Отчет 1969: 98].

[и] — автор постарался избежать повторения союза.

дары плътными и доуховными (вместо *тѣле<сними>*) — Фасмер ищет эквивалент для 'дары материальные и духовные', и, из какого бы эквивалента цсл. *тѣле<снии>* он ни исходил — русского ли *телесный*, немецкого ли *körperlich* — они равным образом слишком очевидно связаны с человеческим телом и не удовлетворяют тому более обобщенному значению материального, которое требуется в данном контексте. Кроме того, сочетание *дары телесные* не узуально в старо- и церковнославянской письменности.

въ лѣто д̄ — возможно, поначалу автор хотел поставить цифровое определение в конце фразы, но, может быть, он просто пропустил его и вписал, еще не завершив фразы.

анѣтихристовѣ — в словарях [Срезневский I 25; СДРЯ I 89; СЛРЯ XI–XVII вв. 1: 40] лемма *антихристъ* обычно фигурирует в написании без редуцированного, ориентированном на греческий образец *ἀντίχριστος*. Так и у Фасмера в "Греко-славянских этюдах" со ссылкой на "Материалы" Срезневского [ФАСМЕР 1909: 32]. Во втором выпуске "Греко-славянских этюдов", специально посвященном заимствованиям из греческого в старославянском языке [ФАСМЕР 1907], слово *антихристъ* отсутствует. В словаре Фасмера в соответствующей статье церковнославянское слово не приводится, указывается только (также со ссылкой на Срезневского), что в древнерусском оно встречается часто [VASMER 1953: 19; ФАСМЕР 1986: 80]. Написание с редуцированным после *ан-* — *анѣтихристъ* — встретилось, однако, у Миклошича, где приведен пример *анѣтихристъ* из сербского Шишатавацкого апостола XIII в. [MIKLOSICH 1862–1865]

Биографический контекст:

“Шведское сидение” М. Фасмера (1947–1949)

Ориентировочная дата создания публикуемого текста содержится в его последней фразе: “В лето четвертое по кончине Антихристове”. Четвертый год со смерти Гитлера (30. 04. 1945) шел в 1948 г. Весной этого года Фасмер переживал один из самых сложных моментов в своей жизни, когда во время пребывания в Швеции ему была предложена профессура в Стокгольме и он стоял перед выбором — согласиться и остаться в Швеции или вернуться в Берлин, в котором вот-вот начнется блокада 1948–1949 гг. Определенное представление об этом периоде дают приводимые ниже материалы академического архива Фасмера (его переписки, личных документов) и опубликованные свидетельства его ближайших коллег.

Предыстория

В 1925–1948 гг. М. Фасмер был единственным профессором и одновременно главой Славянского института Берлинского университета им. Фридриха-Вильгельма (Friedrich-Wilhelms-Universität). 20 января 1946 г. университет, помещения которого на Унтер-ден-Линден оказались на территории советского сектора Берлина, был реорганизован и в 1949 году получил свое нынешнее название — Берлинский университет им. А. и В. Гумбольдтов (Humboldt-Universität zu Berlin). Советская военная администрация настаивала на том, чтобы речь шла не о возобновлении деятельности прежнего университета, который в таком случае поступил бы под контроль всех четырех союзных держав, а чтобы университет был открыт заново и был бы поэтому подконтролен исключительно властям советской зоны оккупации.

Неофициальное приглашение Фасмеру в Стокгольмский университет пришло уже в августе 1946 г. через представительство шведского Красного Креста в Гамбурге (имевшего функции неофициального консульства Швеции в британской зоне оккупации). В письме от 12. 08. 46 Фасмеру было передано приглашение “в течение некоторого времени читать лекции в университете, а также, возможно, временно занять место профессора по славянским языкам” (№ 77). Несколько месяцев спустя, 27 марта 1947 г., поступило официальное приглашение. Однако, так как разрешение на выезд заставляло себя ждать, Фасмер еще до конца летнего семестра (до конца сентября) 1947 г. выполнял обязанности профессора в Берлинском университете [VASMER 1982/1960: 16]. В июне 1947 г. он сообщает польскому коллеге К. Нит-

шу, что получил приглашение в Вену, однако не решается согласиться [URBAŃCZYK 1986: 394].³³ Фасмер выбрал Стокгольм.

У него были веские основания принять приглашение шведов. Во время войны вплоть до падения Берлина Фасмер продолжал интенсивно работать в университете, редактировать основанный им журнал “*Zeitschrift für slavische Philologie*”, составлять ежегодные отчеты Славянской академической комиссии, работать над русским этимологическим словарем. Конец войны принес тяжелые потери. Два полностью подготовленных тома основанной им серии публикаций Института (*Veröffentlichungen des Slavischen Instituts an der Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin*) погибли при бомбардировке во время штурма Берлина, а еще раньше, 30 января 1944 г., фугасная бомба попала в квартиру Фасмеров. В пожаре погибла почти вся его домашняя рабочая библиотека (спасти удалось только собрание русских гидронимов) и с нею — картотека словаря и рукописи начатых работ.³⁴ Фасмер сразу же начал собирать библиотеку заново, ездил в другие города, разыскивая нужные книги, но словарь и тем самым дело, которое Фасмер считал для себя главным в науке [VASMER 1953: IX], оказалось под угрозой. Точнее, чем кто бы то ни было, об этой драматичной ситуации говорит в предисловии к словарю сам Фасмер. Так как интересующий нас пассаж в русских изданиях словаря (1964–1973 и 1986–1987) был подвергнут цензуре, привожу его, восполняя лакуны:

“Когда значительная часть словаря уже была подготовлена, попадание бомбы (январь 1944 г.) лишило меня не только этой и других рукописей, но и всей моей библиотеки. Вскоре мне стало ясно, что после войны я должен сосредоточить все силы

³³ *Казимеж Нитш* (Kazimierz Nitsch, 1874–1958) — польский славист, диалектолог, многолетний корреспондент Фасмера. Во время оккупации Кракова К. Нитш и его ученик С. Урбанчик благодаря ходатайству Фасмера смогли получить работу в бывшей университетской библиотеке, см.: [URBAŃCZYK 1981: 726].

³⁴ В 1980-е гг. ученик Фасмера балканолог *Норберт Рейтер* (Norbert Reiter, 1928–2009), тогдашний директор института Восточной Европы Свободного университета, передавал рассказ об этом трагическом дне так: “У Фасмера была богатая, тщательно подобранная домашняя филологическая библиотека, которой он очень гордился. Когда однажды после бомбежки он вернулся из подвала в изрядно разрушенную квартиру, он в первую очередь беспокоился о книгах. Книги, как ему показалось, слава Богу, не пострадали; ровными рядами они стояли на своих местах. Но при первом прикосновении они рассыпались в прах” (Vasmer hatte eine wohl assortierte und reiche Fachbibliothek zu Hause, auf die er sehr stolz war. Als er einmal nach einem Bombenangriff aus dem Keller in die reichlich demolierte Wohnung zurückkam, galt seine erste Sorge den Büchern. Sie schienen — Gott sei Dank — verschont geblieben zu sein; denn da standen sie ja noch, wie vorher, in Reih und Glied. Als er hinging und sie berührte, zerfielen sie zu Staub und Asche) [REITER 1987: 45]. О Н. Рейтере см.: [SCHUBERT 2010: 147]. Сходным образом рассказывала об этом ученица Фасмера Маргарете Вольтнер (см. примеч. 35), но в ее рассказе в пыль в руках Фасмера превратились не книги, а карточки для словаря (сообщено П. Брангом).

на словаре, если вообще продолжать работу по намеченному плану. Картотека погибла, но я мог рассчитывать на богатое собрание книг Берлинского славянского института”.

Далее вместо фразы “Но, к сожалению, после 1945 г. я не имею возможности пользоваться этой библиотекой”, которая содержится в русских изданиях, должно быть примерно следующее:

“Но, к сожалению, и это собрание, которое, благодаря жертвенным усилиям моих сотрудниц проф. д-ра М. Вольтнер и д-ра И. Хольцварт-Яблоновски,³⁵ по счастью, пережило войну, в 1945 г. было у Института почти целиком отобрано,³⁶ и сейчас, когда я пишу это предисловие, я уже не имею возможности располагать тем институтом, который, по дальновидному решению прусского министра образования К. Г. Беккера, в 1925 г. был основан под моим руководством”.³⁷

³⁵ *Маргарете Вольтнер* (Margarete Woltner, 1897–1985) — ближайшая сотрудница Фасмера по работе в Славянском институте с момента его основания до отъезда Фасмера в Швецию. Во время отсутствия Фасмера в 1947–49 гг. М. Вольтнер приняла на себя руководство Институтом, большую преподавательскую нагрузку при двадцатеро выросшем числе студентов и издание “*Zeitschrift für slavische Philologie*”. В 1950 г. она ушла из университета им. Гумбольдтов (документацию ухода и комментарий из “восточнонемецкой” идеологической перспективы см. в: [KRAUSE 1989: 166–169]; ср.: [ВОТТ 2002] и в дальнейшем жила и работала в Западной Германии, сначала в Майнце, а с 1953 г. — в Бонне. См. о ней: [BRANG, BRÄUER 1986; SLAWISTIK IN DEUTSCHLAND 1993: 448–449; ZUR ERINNERUNG 1998: 1–2]. *Ирене Хольцварт-Яблоновски* (1917 —?) — с 1943 г. преподаватель (в частности, старославянского) в Славянском институте и сотрудница “*Zeitschrift für slavische Philologie*”. Летом 1949 г. И. Хольцварт-Яблоновски, как и ее муж, преподаватель Института историк Хорст Яблоновски (1914–1970) уйдут вслед за Фасмером, чтобы вскоре вновь стать его сотрудниками в Свободном университете Западного Берлина [KRAUSE 1989: 166], см. о событиях 1949 г. ниже.

³⁶ Ср. в письме слависту *Альфреду Раммельмейеру* (Alfred Rammelmeyer, 1909–1995) от 3. 01. 47 (№ 21): “Наш Семинар мы уже немного привели в порядок, но очень не хватает справочной литературы, которую у нас отняли” (Unser Seminar haben wir nun etwas geordnet, vermissen aber besonders die uns geraubten Nachschlagewerke). А. Раммельмейер, происходивший, как и Фасмер, из семьи российских немцев (см. [Rammelmeyer 2010]), в 1935 г. защитил у Фасмера в Берлине диссертацию “*Studien zur Geschichte der russischen Fabel des 18. Jh.*” (Очерки из истории русской басни XVIII в.) (Leipzig, 1938). Именно Фасмер обратил внимание своего ученика на русскую “формальную школу”, что сыграло важную роль в дальнейших исследованиях А. Раммельмейера и его учеников в области жанров славянских литератур [ROTNE 2003: 131–132; <http://www.deutsche-biographie.de/pnd118748971.html> (литература)]. В то время, к которому относится цитируемое письмо, А. Раммельмейер налаживал работу славистического семинара в Киле, где в 1948 г. он стал первым профессором, см.: [DŹwowski 1987: 99–101].

³⁷ “Leider wurden auch diese 1945, nachdem sie dank der Aufopferung meiner Mitarbeiter Prof. Dr. M. Woltner und Dr. I. Holzwarth-Jablonowski den Krieg glücklich überstanden hatten, dem Institut zum großen Teil entzogen, und während der Niederschrift dieses Vorwortes habe ich nicht mehr die Möglichkeit, das durch den Weitblick des Preußischen Kultusministers C. H. Becker 1925 unter meiner Leitung begründete Institut zu benutzen” [VASMER 1953: IX]; об основании Славянского института см.: [ВОТТ 1999: 158–161].

Продолжаю цитату по переводу О. Н. Трубачева:

“В этих условиях работа не могла получиться такой, какой я представлял ее себе в молодости. Она основана на выписках, которые я собирал в голодные 1945–1947 гг. в запустевших [точнее: разграбленных (*ausgeplünderten*). — М. Б.] берлинских библиотеках и позднее, во время моих двухлетних занятий в библиотеках Стокгольма (1947–1949 гг.)” [ФАСМЕР 1964: 11; ФАСМЕР 1986: 11].

Прерывая рассказ, нельзя не сказать о том, что в русской версии словаря Фасмера есть и другие купюры и замены. Так, в списке коллег, которых Фасмер в предисловии благодарит за помощь, отсутствуют имена датского германиста Л. Хаммериха (L. Hammerich) и финского лингвиста Э. Эманна (E. Öhmann); известная немецкая славистка, ученица Фасмера Гильдегард Шрёдер³⁸ фигурирует здесь в мужском роде (“Х. Шредеру”). Каждое из этих имен для автора словаря значимо. Кроме того, в предисловии Фасмер ничего не говорит об СССР, когда объясняет, почему он использует старые географические названия (у него речь идет о “современной ситуации”, “современном положении вещей”, “*moderner Verhältnisse*”), зато список названий в оригинале длиннее, чем в русском переводе.³⁹ Цензуре было подвергнуто не только предисловие Фасмера. В русских изданиях сняты также статьи о словах *блядь*, *ебать*, *пизда*, *пизделяннуть*, *хуй*, которые были сочтены “предметом рассмотрения лишь узких научных кругов” [ФАСМЕР 1986: 6].⁴⁰ Снято, наконец, посвящение Словаря памяти отца и брата автора: “Памяти моего отца, купца из Альтоны Рихарда Фасмера (1853–1924) и моего брата, петербургского востоковеда Рихарда Фасмера (1888–1938)”.⁴¹ Брат Фасмера, Рихард (Роман Романович, Ричард Ричардович) Фасмер, востоковед, хранитель Отдела нумизматики Эрмитажа, в 1934 г. был аре-

³⁸ *Гильдегард Шрёдер* (Hildegard Schroeder, 1914–1978) — исследователь истории славянских литератур. В 1943 г. под руководством Фасмера она защитила диссертацию о теоретике польского романтизма Мауриции Мохнацком. Диссертацией Г. Шрёдер Фасмер открыл основанную им серию публикаций Славянского семинара Свободного университета и написал к этой книге предисловие [SCHROEDER 1953]; о личности Г. Шрёдер в период работы над диссертацией в библиотеках оккупированного Кракова см.: [URBAŃCZYK 1981]. Во время идеологической перетряски немецких университетов в 1947 г. Фасмер много хлопотал за Г. Шрёдер. Позднее (с 1964 г.) она возглавит славистику в Базеле, см.: [AEGERTER 1998: 56–58; BRANG, AEGERTER 2005: 140].

³⁹ Ср. [ФАСМЕР 1964: 12; VASMER 1953: X].

⁴⁰ О позиции О. Н. Трубачева в этом вопросе см.: [ТРУБАЧЕВ 1960]; ср. об этом: [УСПЕНСКИЙ 1994].

⁴¹ “Dem Andenken meines Vaters, des Altonaer Kaufmannes Richard Vasmer (1853–1924) und meines Bruders, des Orientalisten Richard Vasmer in Petersburg (1888–1938)”. Снятое посвящение отметил тж. блогер *fad_gel* (см.: http://community.livejournal.com/essja_ru/7206.html).

стован по делу “Российская национальная партия” (“делу славистов”), осужден на 10 лет лагерей и умер в лагере в Ташкенте.⁴² Посвящение как поклон Фасмера своим немецким корням было неудобно именами и датами и плохо укладывалось в образ “нашего” Максимилиана Романовича, который хотелось создать выпускающей группе, в частности, О.Н. Трубачеву.⁴³ Снятие посвящения, как и купюры в предисловии, никак не оговорены в издании.⁴⁴ Такое обращение с текстом оригинала было бы невозможно, если бы “русский Фасмер” был в правовом отношении вполне легальным изданием. Однако, насколько известно, гейдельбергское издательство “Карл Винтер” (Carl Winter), выпустившее в свет немецкий оригинал фасмеровского труда, в тогдашних условиях не имело возможности влиять на русскую версию.

Отъезд стал возможен только осенью. В открытке К. Нитшу от 23 сентября 1947 г. Фасмер пишет, что в Швеции он надеется найти более спокойные условия для работы [URBAŃCZYK 1986: 394–395].⁴⁵ Ситуация в университете была неблагоприятной. Фасмер и его сотрудники испытывали давление со стороны администрации советской оккупационной зоны и ее людей в стенах университета. В 1946–47 гг. он постоянно пишет отзывы о коллегах, попавших под угрозу увольнения в ходе чисток в высшей школе. Болезнь глаз, развившаяся от авитаминоза, была серьезным препятствием в работе над словарем и над журналом. Все это побуждало Фасмера согласиться на приглашение шведов. Н. Рейтер рассказывает об обстоятельствах этого времени так:

“Вместе с библиотекой добычей пламени стала и его к тому времени уже обширная картотека для русского этимологического словаря. Это обстоятельство, а также тяжелые условия жизни в первое послевоенное время — Фасмер часто рассказывал, как он ходил собирать крапиву — побудили его принять приглашение Стокгольмского университета. Там он надеялся заново начать работу над этимологическим словарем русского языка”.⁴⁶

⁴² [Ашнин, Алпатов 1994: 206, тж. по указателю, вне указателя фото на с. 279]; см. тж.: [Васильков, Сорокина 2003: 386–387; Благово 2006: 629–630].

⁴³ См. послесловие О.Н. Трубачева ко второму изданию русской версии словаря: [ФАСМЕР 1986: 565–566].

⁴⁴ О купюрах советского времени не упоминается, к сожалению, и в относительно недавнем очерке жизни и трудов Фасмера в библиографическом словаре русских лексикографов [Чернышева 2000].

⁴⁵ Фасмер и до шведской профессуры, и после нее не раз бывал с докладами в Швеции. М. Вольтнер называет эти доклады одной из причин интереса Фасмера к германистике и к проблемам скандинавских языков [WOLTNER 1963: 7].

⁴⁶ “Mit der Bibliothek waren auch seine damals schon umfangreichen Zettelbestände für das Russische Etymologische Wörterbuch ein Raub der Flammen geworden. Diese Umstände sowie die schlechten Lebensverhältnisse nach Kriegsende — Vasmer erzählte

Фасмер — А. Раммельмейеру, 3. 01. 47 (№ 21):

“В холодные недели декабря температура по утрам во всех наших комнатах была ниже нуля. Воду для бритья нужно было употреблять очень быстро, пока она не покрылась ледяной коркой. Но у меня такое впечатление, что несмотря на холод, человек довольно долго может сохранять здоровье, впрочем, вероятность тяжело заболеть также велика. <...> Мой этимологический словарь быстро продвигается. Во время бомбежки погибло шесть сигарных коробок с карточками. За полтора года я наполнил карточками восемнадцать новых коробок и продолжаю систематически прочесывать разные журналы. В целом мы живем неплохо, но из-за чрезвычайных условий питания очень болят глаза, так что моих гостей я часто вынужден приветствовать не снимая темных очков”.⁴⁷

28 сентября 1947 г. после долгой и мучительной бюрократической процедуры Фасмер и его жена выехали английским военным эшеленом в Ганновер, чтобы через британскую зону Германии попасть в Швецию. Фасмер ехал ненадолго. В официальном приглашении Стокгольмского университета (27. 03. 47) речь шла о серии лекций в летнем семестре (...to give a short series of lectures at the University during the present spring term, № 21). Из-за задержки с визами летний семестр превратился в зимний. За три дня до отъезда (25. 09. 47, *ibidem*) Фасмер пишет своему консультанту по налогам, что уезжает в Швецию с лекциями на полгода.

“Шведское сидение”

Период, на который падает создание шведского псалма, в жизни Берлина определяется сочетанием “берлинская блокада”. Эта до недавнего времени замалчивавшаяся в России мощная принудительная акция советского государства оставила по себе долгую память прежде всего в Запад-

---

oft, wie er Brennesseln sammeln gegangen war — veranlaßten ihn, eine Einladung an die Universität Stockholm anzunehmen, er hoffte, dort die Arbeiten am Russischen Etymologischen Wörterbuch wieder neu beginnen zu können” [REITER 1987: 45–46).

⁴⁷ “In den kalten Wochen des Dezember hatten wir in allen Zimmern eine Temperatur unter 0, wenn wir am Morgen aufstanden. Mein Rasierwasser musste schnell gebraucht werden, damit sich nicht wieder eine Eiskruste darauf bildete. Aber ich habe den Eindruck, dass man trotz solcher Kälte ziemlich lange gesund bleiben kann, allerdings ist die Möglichkeit einer schweren Erkrankung ebenso wahrscheinlich. <...> Mein etymologisches Wörterbuch<uch> macht recht grosse Fortschritte. Durch die Ausbombung sind früher 6 Zigarrenkisten mit Zetteln umgekommen. Jetzt habe ich 18 neue Kisten seit 1 ½ Jahren mit Zetteln angefüllt und grase systematisch verschiedene Zeitschriften ab. Uns geht es im allgemeinen nicht schlecht, aber durch die besonderen Ernährungsverhältnisse leide ich sehr an den Augen, so dass ich meine Gäste oft nur durch eine dunkle Brille begrüßen kann”.

ном Берлине, который именно во время блокады начал восприниматься как свободный остров в советской оккупационной зоне и одновременно как своего рода свободный хутор по отношению к Западной Германии. Без малого год — с 24 июня 1948 до 12 мая 1949 г. — наземное снабжение (в том числе электричеством) союзнических секторов Берлина и сообщение с ними было прервано. Лежавший в руинах, и без того истощенный город выдержал блокаду благодаря “воздушному мосту”, по которому американские и английские летчики бесперебойно доставляли помощь. Исход этой ситуации был непредсказуем — это была одна из первых страшных гримас “холодной войны”. “Объектом и субъектом “холодной войны”” [GIRNUS, MEIER 2010: 17] стал и Берлинский университет, получивший к тому времени новое содержание и новое имя. На этом фоне разыгрывается борьба за Фасмера, поставившая его перед необходимостью невероятных по трудности решений. Плотность событий, взаимосвязи между ними, сложность человеческих мотивировок — все это в рамках сжатого комментария может быть только намечено.

В марте 1948 г. Фасмер увольняется из Берлинского университета. Когда в 1956 г. он оформлял пенсию, ему пришлось отвечать на запрос западноберлинского сенатора по внутренним делам о причинах увольнения (это имело значение для определения разряда пенсионного обеспечения). В официальном ответе (от 30. 11. 56, № 9) Фасмер писал:

“Решающую роль в моем решении покинуть университет им. Гумбольдтов, в котором я проработал 22 года, сыграли разногласия с коллегами-коммунистами, в особенности с профессором В. Штейницем,⁴⁸ которые стремились ограничить свободу моей преподавательской деятельности”.⁴⁹

⁴⁸ *Вольфганг Штейниц* (Wolfgang Steinitz, 1905–1967) — финно-угрист, фольклорист. В 1946 г. после возвращения в Берлин из эмиграции (в СССР и Швеции) В. Штейниц становится директором института финно-угристики и деканом философского факультета (частью которого был и Славянский семинар). Не будучи славистом, Штейниц преподает в Славянском институте не только “страноведение” СССР, советскую литературу и русский фольклор, но и описательную грамматику русского языка и русскую морфологию [KRAUSE 1989: 165]. Его популярный учебник русского языка (Стокгольм, 1945) становится основным пособием не только в школах (где с 1 сентября 1946 г. русский язык стал обязательным предметом), но и в университетах советской зоны (см. [ЕСКЕРТ 1985]). Фасмер давал в 1947 г. уничтожающий отзыв В. Штейницу как русисту [KRAUSE 1989: 164]. Как организатор славистического образования Штейниц был сторонником его переориентации со сравнительно-исторического языкознания на современный язык и советскую литературу, что в тогдашних условиях означало неизбежную идеологизацию предмета [ВОТТ 2009: 11–12]; о конфликте между Штейницем и Фасмером см. [ВОТТ 2004: 266–269]; см. также статью о Штейнице в *Большой советской энциклопедии* (т. 29, Москва, 1978, с. 493–494); о В. Штейнице как финно-угристе см.: [GULYA 1996: 884–885].

⁴⁹ “Entscheidend für meinen Entschluss, von der Humboldt-Universität, an der ich 22 Jahre gewirkt hatte, abzugehen, waren Differenzen mit kommunistischen Kollegen, besonders Professor W. Steinitz, die die freie Ausübung meiner Lehrtätigkeit zu verhindern suchten”.

На просьбу сенатора об уточнении Фасмер (в письме от 8. 03. 57, *ibidem*) дает важное пояснение, которое помогает избежать прямолинейного истолкования ситуации как политического конфликта:

“На Ваш запрос от 8. 03. 57 сообщаю, что мою деятельность в Берлинском университете им. Гумбольдтов я прекратил не под политическим нажимом [подчеркнуто в машинописной копии письма. — М. Б.], а поняв, что я не могу преподавать там мой предмет так, как нахожу правильным с научной точки зрения. Конфликт состоял в том, что те теории, которых я всегда держался в вопросах происхождения русского государства, скандинавского происхождения древнерусских князей, родства кавказских языков, я не мог высказывать в той форме, которую считал правильной, так как под давлением русских в университете навязывалось искаженное изложение названных тем”.⁵⁰

2 апреля 1948 г. совет кураторов Стокгольмского университета назначил Фасмера ординарным профессором славянских языков с обязательством преподавания современных русского языка и литературы (профессура им. Й. Р. Ридберга). 3 апреля об этом сообщили шведские газеты, а 11 мая издававшаяся в американском секторе Берлина “Die Neue Zeitung” писала, что профессор Макс Фасмер “не вернется в Берлин, так как он, по сообщениям шведской прессы, получил место ординарного профессора Стокгольмского университета”. В. Кипарский⁵¹ вспоминал:

⁵⁰ “Auf das Schreiben vom 8. 3. 57 teile ich mit, dass ich meine Tätigkeit an der Humboldt-Universität Berlin nicht unter politischem Zwang aufgegeben habe, sondern aus der Einsicht, dass ich mein Fach dort nicht in der von mir wissenschaftlich als richtig befundenen Weise unterrichten konnte. Die Schwierigkeiten bestanden darin, dass ich die von mir stets vertretenen wissenschaftlichen Theorien — Herkunft des russischen Staates, skandinavische Abstammung der altrussischen Fürsten, Verwandtschaftsverhältnisse der kaukasischen Sprachen — nicht in der von mir als richtig anerkannten Form vertreten konnte, weil dort unter russischem Druck verfälschte Darstellungen solcher Fragen verlangt wurden”. В речи памяти Фасмера декан философского факультета Свободного университета Й. Либер, говоря о “неподкупной научной честности” (unbestechliche wissenschaftliche Redlichkeit) Фасмера в эпоху национал-социализма и о его “личной отваге и смелости” (der persönliche Mut und Einsatz) в хлопотах за попавших в тюрьму или лагерь коллег, отмечал, что “при этом Макса Фасмера никак нельзя было назвать человеком, интересующимся собственно политикой. Главным в его жизни была любовь к языку и к его научному изучению” (Dabei war Max Vasmer alles andere, denn ein politischer Mensch in der herkömmlichen Bedeutung des Wortes. Sein Leben und seine Liebe galten der Sprache und ihrer wissenschaftlichen Erforschung) [ЛИБЕР с. д.: 7].

⁵¹ *Валентин Кипарский* (Valentin Kiparsky, 1904–1983) — финский славист, балтист. Во время пребывания Фасмера в Швеции В. Кипарский преподавал в университете в Хельсинки. После ухода Фасмера на пенсию В. Кипарский станет его преемником на кафедре в Институте Восточной Европы Свободного университета (1955–1963), см.: [СЕЕМАНН 1991: 412]; см. о нем тж. в: [ВИХАВАЙНЕН 2004: 256–260].

“После европейской катастрофы 1945 года Фасмер все должен был начать с нуля, так же как после большевистской революции 1917 года. За одну ночь от бомбежки погибла вся его библиотека и его картотека. На следующий же день, как он мне рассказывал, он отправился на поиски новых книг. Но много ли можно было наработать в Берлине, захлестнутом нашествием с востока? В этот момент помощь пришла оттуда, откуда она приходила ко многим пострадавшим европейцам, из северной сказочной страны “молочные реки, кисельные берега”, в течение полутора столетий не знавшей войны — из Швеции. Несмотря на то что Фасмеру уже было за 60, Стокгольмский университет предложил ему кафедру славянской филологии. Если принять во внимание, что в Швеции, как и в Финляндии, кафедру получают не по приглашению, а пройдя открытый конкурс, это было не только благодеяние, но одновременно необыкновенно высокая честь, которой раз в десятилетия удостоиваются выдающиеся ученые страны. В случае же Фасмера речь шла об иностранце и, что еще хуже, — о подданном государства, только что проигравшего войну и всеми растоптанного”.⁵²

Тем временем Фасмер 25 апреля 1948 г. пишет то письмо, которое, судя по всему, должно было быть адресовано декану факультета, вероятнее всего философского, в ведении которого находился Славистический институт. В это время обязанности декана выполнял продекан Ф. Гартунг.⁵³ Вот это письмо:⁵⁴

---

⁵² “Nach dem Zusammenbruch Europas 1945 stand Vasmer wieder sozusagen am Anfang aller Dinge da, genau wie nach der Bolschewistenrevolution von 1917. In einer Bombennacht gingen seine ganze Bibliothek und seine Kartei verloren. Er erzählte mir allerdings, daß er schon am nächsten Tage auf der Suche nach neuen Büchern war. Was konnte man aber in dem der östlichen Flut ausgelieferten Berlin noch viel machen? In diesem Augenblick kam Hilfe, von wo sie so vielen notleidenden Europäern gekommen war — aus dem nordischen Märchenland, wo Milch und Honig floß und wo man anderthalb Jahrhunderte lang keinen Krieg gekannt hatte, — aus Schweden. Obgleich Vasmer bereits das 60. Lebensjahr überschritten hatte, bot ihm die Universität Stockholm den Lehrstuhl für slavische Philologie an. Wenn man bedenkt, daß man in Schweden und Finnland auf die Lehrstühle nicht berufen wird, sondern sich um sie öffentlich bewerben muß, war es nicht nur eine Wohltat, sondern zugleich eine außergewöhnlich hohe Ehrung, derengleichen einmal in mehreren Jahrzehnten hervorragenden einheimischen Wissenschaftlern zuteil werden kann. Und im Falle Vasmer handelte es sich ja um einen Fremden, noch schlimmer — um einen Angehörigen eines Staates, der soeben einen Krieg verloren hatte und von allen mit Füßen getreten wurde” [KIPARSKY s.d.: 18–19].

⁵³ Фритц Гартунг (Fritz Hartung, 1883–1967) — историк, в 1923–1949 профессор Берлинского университета.

⁵⁴ Исправления не оговариваются, приводится окончательный авторский вариант.

“Ваше высококордие господин декан!

Я радовался близкому началу летнего семестра в Берлине, так как там круг моей деятельности намного больше, чем здесь. Как теперь мне стало известно, здесь подумывают о том, чтобы пригласить меня в качестве ординариуса на кафедру славистики здешнего университета, в настоящее время вакантную. По шведским правилам для получения ординариата нужно подавать заявку на участие в конкурсе. Я не делал этого, потому что хотел вернуться в Берлин. Однако отмена пенсий вдовам профессоров в советской зоне является тем обстоятельством, которое все это время меня беспокоило. Это решение не так страшно для тех профессорских вдов, которым удалось спасти их обстановку и библиотеку или которые могут в случае нужды найти приют у своих детей. Мы с женою бездетны и потеряли во время войны всё наше имущество. У нас нет ни своих кроватей, ни одежды. С 1944 г. мы жили у знакомых, постоянно подвергаясь опасности потерять и это временное жилье. В моем возрасте человеку приходится считаться с возможностью скоропостижной кончины, в особенности в условиях плохого продовольственного снабжения в Германии. По этой причине я уже несколько лет назад приобрел болезнь глаз, которая здесь при лучшем питании сразу же прошла. В последние месяцы я прилагал тщетные усилия, чтобы через (коллег-) профессоров получить из Берлина сколько-нибудь утешительное известие об обеспечении вдов. И вот теперь здешний факультет без усилий с моей стороны единогласно решил пригласить меня, и ожидается декрет шведского правительства, которое уже прежде высказалось в поддержку моей кандидатуры. Здесь я пока ничего не подписал, хотя о моем назначении уже сообщили стокгольмские газеты. Но уже очень скоро я могу быть поставлен перед необходимостью принять решение. Принять его мне было бы существенно легче, если бы я получил из Берлина известие о благоприятном решении вопроса обеспечения вдов. Между 3-м и 10-м мая я должен буду прочитать несколько лекций в Осло, а затем — 18-го и 19-го — в Уппсале. В Лунде я уже выступал в апреле. Во всех моих лекциях я стремлюсь показать, что научные исследования и в разрушенном Берлине продолжают. Эта моя задача сильно усложняется широко распространяемыми здесь и внушающими опасение газетными известиями о своеобразном направлении, которое приобрела славистика в Берлине и в котором моей вины нет <...>. Был бы Вам благодарен,

если бы Вы способствовали получению возможно скорого ответа из Центрального Управления⁵⁵ по затронутым выше вопросам”.⁵⁶

В бумагах Фасмера оба черновика — приведенного письма декану и публикуемого псалма — первоначально лежали, вероятно, вместе. Бумага (линованная писчая) и чернила обоих документов одинаковы, кроме того, оба они имеют сгиб посередине, так что листочек с псалмом с легкостью вкладывается в больший по формату листок с письмом. Пока не проведено обследование всей сохранившейся переписки Фасмера этого времени, о взаимосвязи этих двух документов можно только строить предположения. Возможно, Фасмер одновременно готовил их для пересылки в Берлин, предназначая псалом с нетерпением ожидавшим его берлинским коллегам как знак прощания со Швецией и скорого возвращения.

---

⁵⁵ Имеется в виду Центральное управление народного образования советской оккупационной зоны (Deutsche Verwaltung für Volksbildung in der Sowjetischen Besatzungszone).

⁵⁶ “Ew [= Eure. — М. Б.] Spektabilität! Ich hatte mich auf den Beginn des Sommersemesters in Berlin gefreut, weil dort mein Wirkungskreis viel grösser ist als hier. Nun war mir bekannt, dass man mit dem Gedanken umgeht, mich als Ordinarius auf den zur Zeit unbesetzten Lehrstuhl der Slavistik an der hiesigen Universität zu berufen. Nach schwedischem Brauch muss man sich um ein Ordinariat hier bewerben. Ich habe es nicht getan, weil ich nach Berlin zurückkehren wollte. Allerdings ist die Aufhebung der Pensionen für Professorenwitwen in der Sowjet<ischen> Zone ein Punkt, der mir die ganze Zeit zu denken gab. Diese Bestimmung trifft diejenigen Professorenwitwen nicht so hart, die ihre Möbel und Bibliotheken gerettet haben oder die bei ihren Kindern im Notfalle eine Zuflucht finden. Meine Frau u<nd> ich sind kinderlos u<nd> haben während des Krieges alle unsere Sachen verloren. Wir besitzen weder Betten noch Bettdecken und haben seit 1944 möbliert bei Bekannten gewohnt, immer der Gefahr ausgesetzt, diese zeitweilige Unterkunft auch zu verlieren. In meinem Alter muss man auch mit der Möglichkeit rechnen, dass man plötzlich aus dem Leben scheidet, namentlich bei den ungenügenden deutschen Verpflegungsverhältnissen, durch die ich bereits vor mehreren Jahren mir eine Augenkrankheit zugezogen habe, die hier sofort durch bessere Ernährung behoben wurde. Ich habe mich in den letzten Monaten vergeblich bemüht eine beruhigende Nachricht über die Frage der Witwenversorgung von Professoren aus Berlin zu erhalten. Nun hat die hiesige Fakultät mich ohne Antrag meinerseits einstimmig beschlossen zu berufen u<nd> es wird ein Dekret von der Schwed<ischen> Regierung erwartet die ihr Einverständnis zu meiner Ernennung schon vorher gegeben hat. Unterschrieben habe ich hier bisher noch nichts, obgleich meine Berufung schon durch die Stockholmer Zeitungen gegangen ist. Ich kann aber sehr bald vor die Notwendigkeit gestellt werden, eine Entscheidung zu treffen die für mich viel leichter sein würde, wenn ich über eine Regelung der Witwenversorgung in Berlin günstige Nachrichten bekäme. Ich soll zwischen dem 3. und 10. Mai in Oslo mehrere Gastvorlesungen halten und dann auch noch am 18. und 19. Mai in Uppsala sprechen. In Lund habe ich schon im April Vorträge gehalten. Ich bemühe mich bei allen diesen Vorträgen zu zeigen, dass die wiss<enschaftliche> Forschung auch im zerstörten Berlin weitergeht. Diese Aufgabe wird aber sehr erschwert durch hier weit verbreitete beängstigende Zeitungsnachrichten über eine eigentümliche Entwicklung der Slavistik in Berlin, an der ich keine Schuld trage <...>. Ich wäre Ihnen dankbar, wenn Sie zu den oben angeschnittenen Fragen recht bald eine Stellungnahme der Zentralverwaltung veranlassen könnten”.

В апреле, когда было написано письмо декану, ситуация в университете на Унтер-ден-Линден усугубляется: трое студентов за политическую критику в студенческой газете были лишены права посещения занятий, и это вызвало протесты. “Обстановка в Берлине накаляется” (Berlin ist ein sehr heisser Boden), — пишет Фасмеру 28 апреля М. Вольтнер (№ 77). В это время она выполняет роль посредника в контактах Фасмера с новой властью и администрацией Берлинского университета. Перипетии этих контактов и, соответственно, колебания в настроении и позиции Фасмера станут видны только тогда, когда будет опубликована переписка Фасмера этого периода с М. Вольтнер.

Летом, после майских лекций в Скандинавии, Фасмер собирался быть в Берлине. Свояченица Фасмера, Маргарете Нипп, присматривавшая за берлинской квартирой Фасмеров и пересылавшая им корреспонденцию, 16.03.48 (№ 77) писала: “Радуюсь, что в мае вы собираетесь снова быть в Берлине”.⁵⁷ Но в начале июля, судя по переписке, Фасмер в Швеции. Состоялся ли приезд в Берлин? Похоже, что нет. В письме к Г. Грюнлер от 10.07.48 (№ 77) о надежде приехать говорится в презенсе (u<nd> wir hoffen ja im Sommer in Berlin zu sein). Именно в это время, в мае — июне 1948 г., несмотря на получение кафедры в Стокгольме и вопреки этому администрация советского сектора разворачивает кампанию за возвращение Фасмера в Берлинский университет.

29-м мая 1948 г. датировано письмо продекана факультета Ф. Гартунга (№ 77) Фасмеру в Стокгольм. Гартунг пытается разъяснить инцидент с тремя студентами, успокоить Фасмера в его опасениях и делает особый акцент на важности его возвращения: “Главное Управление придает большое значение тому, чтобы Вы вернулись и остались здесь”, “Лучше всего, если <...> Вы сами сюда приедете, посмотрите, поговорите с влиятельными людьми. Вы можете быть уверены, что все мы сделаем всё, чтобы Вы смогли остаться в Берлине”.⁵⁸

7 июня 1948 г. в письме к Ю. Мягисте⁵⁹ из Стокгольма в Лунд Фасмер пишет, что обещания шведов в отношении пенсии для его жены представляются ему “значительно более надежными” (“bei weitem sicherer”), чем обещания со стороны русских. В том же письме он со-

⁵⁷ “Ich freue mich sehr, dass Ihr im Mai wieder in Berlin sein wollt”.

⁵⁸ “Dass die Zentralverwaltung grossen Wert darauf legt, dass Sie wiederkommen u<nd> hier bleiben...”; “Am besten ist es <...>, wenn Sie selbst herkommen, sich die Lage ansehen und mit den massgebenden Leuten sprechen. Sie dürfen überzeugt sein, dass wir alle alles tun werden, um Ihnen das Verbleiben in Berlin möglich zu machen”.

⁵⁹ Юлиус Мягисте (Julius Mägiste, 1900–1978) — эстонский лингвист, автор этимологического словаря эстонского языка. С 1944 г. Мягисте жил в эмиграции в Швеции и работал в Лунде, где в 1950 г. стал профессором финно-угристики. Фасмер много лет переписывался с ним.

общает о недавней поездке с докладами в Осло и признается, что один из них, на политическую тему, “О позиции Берлинского университета в период национал-социализма”, стоил ему наибольшего труда (“...von denen mir besonders ein politischer, über die Berliner Universität während der Nazizeit viel Arbeit machte”).⁶⁰ Рукописный текст этого выступления, важного для уяснения умонастроения Фасмера, недавно был издан — правда, как “стокгольмская речь” — и подробно прокомментирован М.-Л. Ботт [Ботт 2009; Ботт 2009а].⁶¹ В конце своего доклада Фасмер предостерегает от чрезмерного давления на ученых со стороны нынешних оккупационных сил,⁶² и тем самым от уже проявившей себя новой диктатуры. Для него диктатура означает прежде всего несвободу научной деятельности — позиция, которая окажется несовместимой с новой реальностью университета на Унтер-ден-Линден и в конце концов приведет Фасмера в Свободный университет.

11 июня 1948 г. назначение Фасмера было утверждено королем Швеции и с 1 июля вступило в силу.

15 июня 1948 г. немецкое Управление Народного Образования советской оккупационной зоны сообщает Фасмеру (№ 70) о назначении ему как ученому с большими заслугами максимального годового жалования в 15 400 рейхсмарок, а также ежемесячного содержания и пенсии членам его семьи и выражает надежду, что эти особо благоприятные условия сделают возможным его возвращение на прежнее место работы. Казалось бы, тем самым выполнялась просьба о пенсии для жены (см. выше письмо от 25.04.48), однако в условиях инфляции эта мера теряла смысл, да и дело было не только в пенсии. Понятна поэтому реакция Фасмера в цитированном выше письме к Г. Грюнлер от 10.07.48: “Когда меня стараются приманить в Берлин только астрономическими суммами денег, которые через две недели обесценятся, всякое желание

---

⁶⁰ ЕКМ ЕКЛА (Eesti Kirjandusmuuseum, Eesti Kultuurilooline Arhiiv, Тарту), f. 340, m. 37:23, lg. 10v, 11v. Письмо было обнаружено в архиве Тартуского литературного музея (ЕКМ ЕКЛА) Г. Суперфинном, которому я признательна за выписки из этого и других документов.

⁶¹ В своей публикации М.-Л. Ботт называет это выступление стокгольмской речью, считая, что она могла быть произнесена Фасмером в Стокгольме по случаю вступления в должность профессора перед собранием коллег по факультету или по университету в целом как личный отчет о позиции берлинской профессуры в период национал-социализма [Ботт 2009: 16]. В свете процитированного письма Фасмера к Мягисте такая реконструкция оказывается лишеной основания, обстоятельства же произнесения доклада в Осло нуждаются в исследовании.

⁶² Единственное число *engherzige Okkupationsgewalt* ‘бездушная оккупационная власть’ было исправлено Фасмером (очевидно, во избежание чересчур прямой ассоциации исключительно с советской администрацией) на множественное число *-gewalten* [Ботт 2009: 79].

ехать у меня пропадает”.⁶³ Действенной приманкой был бы, по словам Фасмера, его журнал “Zeitschrift für slavische Philologie”: получать корректуры в Швецию было невозможно, ими занимались сотрудницы Фасмера в Берлине; затрудненность сообщения и неудобство редакторской работы на расстоянии были для Фасмера мучительны.

На 17 июня 1948 г. была назначена речь Фасмера в Академии наук в Берлине, о чем Ф. Гартунг напоминает Фасмеру в своем письме от 29.05.48 (“О том, что 17 июня Вы выступаете в Академии, Вы, должно быть, знаете”⁶⁴).

24 июня 1948 г. началась берлинская блокада, а 1 июля Фасмер официально вступил в должность профессора Стокгольмского университета. Об университетской инаугурации он с нескрываемым скепсисом пишет Г. Грюнлер (письмо от 12.11.48, № 77) как о чем-то ненастоящем:

“Недавно меня с тимпанами и ликами тут водворили. Несмотря на всю помпезность церемонии, у меня не было чувства, что это всерьез. Такие вещи не для нас, берлинцев”.⁶⁵

Позднее, отвечая на анкету декана Свободного университета в Западном Берлине (10.10.51), Фасмер написал, что его решение принять предложение шведского университета было в условиях блокады вынужденным.⁶⁶ В письме берлинскому профессору медицины Т. Бругшу от 21 июня 1948 г. Фасмер называет одну из причин — опасение оказаться отрезанным от зарубежных коллег (см. [Вотт 2009: 16]).

В Стокгольме он старается жить с привычной для него интенсивностью, в согласии со своими интересами в науке и преподавании. Фасмер ведет занятия по старославянскому языку и чтению старославянских текстов повышенной трудности, по “Повести временных лет”, польской исторической фонетике и морфологии, поэзии классика польского Ренессанса Миколая Рея [NILSSON s.a.]. Он курирует защиту двух диссертаций — Карла Лукранца о прогрессивной палатализации в славянском⁶⁷ и Клары Тёрнквист о древнескандинавских заимство-

⁶³ “Wenn man mich von Berlin nur mit Geldsummen, die 2 Wochen nach dem Angebot bereits entwertet sind, lockt, dann schwindet die Reiselust bei mir”.

⁶⁴ “Dass Sie am 17. Juni in der Akademie sprechen sollen, ist Ihnen wohl bekannt”.

⁶⁵ “Unlängst bin ich hier mit Pauken und Trompeten installiert worden. Ich hatte trotz der pompösen Veranstaltung nicht den Eindruck, dass es etwas Ernstes ist. Wir Berliner haben für so etwas keinen Sinn”.

⁶⁶ “Während der Blockade habe ich mich genötigt gesehen, das mir angebotene Ordinariat in Stockholm anzunehmen” [Вотт 2009: 16, Anm. 24].

⁶⁷ Печатной версии работы К. Лукранца (Carl Lokrantz, 1920–1977; годы жизни сообщены М. Юнггренем) мне найти не удалось; возможно, она не была опубликована. Одним из двух оппонентов был библиотекарь городской

ваниях в русском языке [THÖRNQVIST 1948].⁶⁸ “Он хотел, чтобы началась исследовательская работа, хотел вдохновлять и пробуждать” [LJUNGGREN 2010: 16].⁶⁹ Однако в Русском институте почти нет коллег, близких Фасмеру по духу и интересам (Лукранц — в Лунде, Тёрнквист — в Гетеборге). Исключением была А. Бэклунд.⁷⁰ Фасмер отстаивает ее кандидатуру на должность доцента по славянским языкам против существенно более слабых кандидатов, предлагаемых из Уппсалы профессором Г. Гуннарссоном,⁷¹ и приобретает в его лице недоброжелателя. Не складываются отношения и с Н. О. Нильссоном.⁷² Тогдашняя студентка Фасмера Барбара Тунберг (Barbara Thunberg), берлинка по происхождению, вспоминает:

“Трудности для него начались, похоже, с самого начала. Одним из факторов было наверняка то, что он почти не владел шведским, а студенты не все знали немецкий. <...> К тому же в первые послевоенные годы в стране чувствовалась известная враждебность по отношению к немцам”.⁷³

библиотеки Кнут Кнутссон, опубликовавший в свое время работу на близкую тему [KNUTSSON 1926]; см.: [LJUNGGREN 2010: 16].

⁶⁸ Интерес к теме заимствований возник у К. Тёрнквист (1896–1989, годы жизни сообщены М. Юнггреном) под влиянием Фасмера, у которого в 1920-е годы в Берлине она занималась историей русского языка (биографические сведения см. в: [LJUNGGREN 2010: 16–17]. Под его руководством она подготовила несколько статей для “Zeitschrift für slavische Philologie”. Диссертация К. Тёрнквист, завершённая по разным обстоятельствам лишь через 20 лет после начала работы, до сих пор остается классическим трудом по данной теме.

⁶⁹ За перевод со шведского я благодарна М. Перченко.

⁷⁰ *Астрид А. Бэклунд-Эйлер* (Astrid A. Baecklund-Ehler, 1908–1976). В подробном отзыве, написанном 22. 09. 49 накануне возвращения в Берлин, Фасмер дает высокую оценку научной и преподавательской работе А. Бэклунд (текст отзыва и комментарий см. в: [ЕСКЕРТ 1991: 409–411]; об А. Бэклунд см. тж.: [BIRGEGÅRD 2005: 168]; библиографию ее работ см. в: [BAECKLUND IN MEMORIAM 1976: 7–11].

⁷¹ *Гуннар Гуннарссон* (Gunnar Gunnarsson, 1899–1987) — шведский славист. У. Биргегорд характеризует его как прежде всего организатора [BIRGEGÅRD 2005: 162–164]. На кафедре славянских языков в Стокгольме до появления Фасмера Г. Гуннарссон, будучи профессором в Уппсале (1940–1966), выполнял обязанности профессора ad interim. В период работы Фасмера в Стокгольме Г. Гуннарссон был инспектором Русского института [ЕСКЕРТ 1991: 405], что, по-видимому, и позволяло ему вмешиваться в работу и персональные решения Фасмера.

⁷² *Нильс Оке Нильссон* (Nils Åke Nilsson, 1917–1995) — шведский славист, исследователь истории русской литературы XIX–XX вв. Именно его усилиями в Стокгольме в 1944 г. был создан Русский институт, в котором работал Фасмер. см. о нем в [BIRGEGÅRD 2005: 168–169, 171–172]. М. Юнггрен, ссылаясь на мнения очевидцев, характеризует конфликт между Нильссоном и Фасмером как борьбу за сферы влияния [LJUNGGREN 2010: 17].

⁷³ “Er scheint gleich vom Anfang an Schwierigkeiten gehabt zu haben. Ein Faktor war sicher, daß er wohl kaum Schwedisch konnte und die Studenten nicht alle Deutsch. <...> Auch konnte man in den ersten Nachkriegsjahren eine gewisse Deutschfeindlichkeit hier im Lande erleben” (письмо к автору от 5.06.11).

Со слов своего друга, покойного психолога Теодора Катца, отец которого был дружен с Фасмером, Б. Тунберг резюмирует ситуацию следующим образом:

“В институте у него не было права голоса, да и студенты были не очень интересные”.⁷⁴

О семье Катц стоит сказать подробнее. Известные немецкие психологи Давид и Роза Катц были видными представителями немецкой интеллектуальной элиты в эмиграции.⁷⁵ В 1933 г. Д. Катц как лицо неарийского происхождения лишился места ординарного профессора в Ростокском университете и после четырех лет, проведенных в Англии, был приглашен занять место ординарного профессора в Стокгольмском университете. С 1939 г., когда к нему присоединилась жена с сыновьями Теодором и Грегором, семья жила в Швеции. Здесь, по словам самого Д. Катца, он “вновь обрел твердую почву под ногами, стал членом университетского сообщества и получил возможность проводить исследования в собственной лаборатории”.⁷⁶ В 1948–49 гг., на которые приходится общение Фасмера с Катцами, глава семьи — крупнейший психолог Швеции. Кроме человеческой приязни, Фасмера могли связывать с Катцами немецкие корни, язык, общность культурного и общественного воздуха Германии 20–30-х гг., неприятие нацизма, наконец, положение ученого, вынужденного жить и работать не в своей стране. У Розы Катц, кроме того, были русские корни — она родилась и выросла в Одессе, откуда в 1905 г. уехала учиться в Германию. Общими были и академические интересы — преподавание, научные занятия, издание журнала (Фасмер и Д. Катц стояли во главе ведущих немецких органов печати в своей области знания: Фасмер — как основатель и главный редактор “*Zeitschrift für slavische Philologie*”, Катц — как один из двух ведущих редакторов “*Zeitschrift für Psychologie*”). Но кроме того, Фасмера и Катцев не мог не сближать общий интерес к языку. Проблемам языкового развития ребенка уделяется немало внимания в совместных работах Д. и Р. Катц, в частности, в “Разговорах с детьми” (1928) и в статье о ругательствах в детском языке (1931) [KATZ D. UND R. 1928; KATZ D. UND R. 1931: 120–131] (для Фасмера во-

⁷⁴ “Er durfte nichts bestimmen am Institut und die Studenten waren nicht besonders interessant”.

⁷⁵ *Давид Катц* (David Katz, 1884–1953) и *Роза Катц* (Rosa Katz, 1885–1976), урожденная Гейне (Heine). О Д. Катце см. его автобиографию: [KATZ 1951: 189–211], а также: [BIOGRAPHICAL DICTIONARY II/1: 599–600, lit.]; [LEXICON DEUTSCH-JÜDISCHER AUTOREN: 292–296]. О Р. Катц см. ее автобиографию в: [KATZ 1972].

⁷⁶ “At last I had regained firm roots, had become a member of a university, and was able to carry out research in my own laboratory” [KATZ 1951: 208–209].

просы словаря, в частности, внимание к жаргонам и различным лексическим подсистемам языка были на протяжении всей жизни центральными). Впоследствии, в 1950-е — 60-е гг., Р. Катц много занималась изучением психологии языковой одаренности ребенка и восприятия человеком собственного имени (ср. проходящий через все научное творчество Фасмера интерес к ономастике, в частности, к антропонимике). Не случайно с семьей Катц был близок во время своего пребывания в Швеции (1940–41) и Роман Якобсон, который работал тогда над темами, связанными с детским языком, афазией и лингвистической психологией. Все это позволяет предположить, что именно семья Катц имеет в виду в публикуемом псалме, когда Фасмер говорит о доме, “полном гостеприимства, богатом чадами и дарами вещественными и духовными”. По крайней мере, хорошего альтернативного понимания этой фразы при нынешнем состоянии изученности наследия Фасмера у нас нет.

Летом из Швеции Фасмер с женой напряженно следят за событиями в Берлине. В письме к Г. Грюнлер от 10 июля Фасмер признается, что “этот город занимает нас гораздо больше, чем здешняя наша среда <...> Каждый вечер мы с волнением слушаем по радио новости о Берлине”.⁷⁷ Фасмеры посылают в Германию посылки с продуктами. Временное жилище (они живут в пансионе “Андерссон” на Wallingatan 38), неизвестность, сомнения — все это создавало атмосферу жизни на чемоданах. Фасмер думает о возвращении и постоянно взвешивает “за” и “против”. “За” — возможность работать во взаимопонимании с коллегами (в Славянском институте в Берлине такое взаимопонимание было, в Русском институте в Стокгольме — почти нет); преподавательская нагрузка большая, а удовлетворения от занятий мало, так как студенты мало заинтересованы в предмете; активное участие в издании “*Zeitschrift für slavische Philologie*” на расстоянии затруднено; огромная переписка без помощи секретаря или машинистки отнимает много сил и времени. “Против” — неясно, какова нынешняя ситуация в берлинском Институте, есть ли слушатели, каковы они; останавливают формальности: как добиться от советской администрации Берлина помощи в обратной транспортировке большого багажа (книг, рукописей и пр.); беспокоит, как будет с глазами — снабжение Берлина затруднено. От состояния зрения, в конечном счете, зависела способность Фасмера работать. Характерна горькая концовка рассказа Фасмера в письме к Г. Грюнлер от 12.11.48 (№ 77) о церемонии его инаугурации:

---

⁷⁷ “... und uns diese Stadt viel mehr beschäftigt als unsere hiesige Umgebung. <...> Jeden Abend hören wir gespannt die Radionachrichten über Berlin”.

“Если бы я только мог знать, выдержат ли мои глаза Берлин”.⁷⁸ Лейтмотив писем Фасмера этого времени — тоска по Берлину. Когда усилиями Грюнлер удалось переслать Фасмеру готовый 20-й выпуск “*Zeitschrift für slavische Philologie*”, Фасмер пишет (письмо от 12.11.48): “Выход номера⁷⁹ дал мне вновь остро почувствовать тоску по Берлину, которую и без того удавалось сдерживать лишь искусственно”.⁸⁰ Вот еще несколько цитат из писем к Г. Грюнлер:

о занятиях в университете и студентах —

“Берлинские мои слушатели были, разумеется, гораздо лучше, но нынешние занятия существенно приятнее, чем прошлой зимой. Впрочем, вся здешняя система очень своеобразна. Каждый студент интересуется только тем, что входит в экзамены, и начинает сдавать разные экзамены уже после второго семестра” (23.09.48);⁸¹

“Шведские лекции отнимают почти все силы и не оставляют покоя для работы. Занятие поистине бессмысленное, так как интереса со стороны слушателей мало” (6.04.49);⁸²

о ситуации в Берлинском университете и в институте —

“Мы все реже получаем известия из Берлина, а те известия, что до меня доходят, вызывают сильное беспокойство. С тех пор, как я в Швеции, мне пришлось написать, наверное, шесть или семь отзывов для различных немецких университетов, Берлинский же университет не хотел от меня ни одного отзыва и предпринял шаги, которые делают мое возвращение туда почти невозможным. <...> Если туда [в Славянский институт. — М. Б.] придет Траутманн⁸³ и, как я с уверенностью предвижу, будет

⁷⁸ “Wenn ich nur wüsste, ob meine Augen Berlin vertragen können”.

⁷⁹ Номер вышел только в 1950 г.

⁸⁰ “Das Erscheinen des Heftes hat meine Sehnsucht nach Berlin wieder ganz lebendig gemacht, die auch sonst nur künstlich gedämpft werden konnte”.

⁸¹ “Natürlich sind meine Berliner Hörer viel besser gewesen, aber der Unterricht ist viel angenehmer als im vorigen Winter. Allerdings ist das ganze hiesige System eigentümlich. Jeder Student interessiert sich nur für das, was geprüft wird und macht verschiedene Prüfungen schon nach 2 Semestern”.

⁸² “Ich bin eben so sehr durch die schwedischen Vorlesungen in Anspruch genommen, die mir jede Ruhe nehmen. Eine recht überflüssige Beschäftigung, weil doch wenig Interesse vorhanden ist”.

⁸³ Райнхольд Траутманн (Reinhold Trautmann, 1883–1951) — славист, балтист (см. о нем в: [SLAWISTIK IN DEUTSCHLAND 1993: 403–406]). В 1948 г. обсуждалась идея пригласить Р. Траутманна профессором в Берлин (письмо М. Вольгнер Фасмеру от 9.08.48, № 77), однако в том же году он получил ординарную

ближайшим образом держаться Шт<ейница>, тогда я поневоле окажусь в положении недовольного чудака и брюзги и не буду иметь ни малейшего шанса пробить свои взгляды” (23.09.48).⁸⁴

Несмотря на помехи, работа над словарем шла дальше. Извиняясь перед своей корреспонденткой за перерыв в переписке, 12 ноября 1948 г. Фасмер пишет: “Я целиком погрузился в мой словарь и, если не считать лекций, целый день провожу за чтением журналов”.⁸⁵ Летом (в письме от 10.07.48) он сообщал: “Почти целыми днями я работаю в институте, где в помещениях высокие потолки и прохлада”.⁸⁶ Трудно удержаться, чтобы не привести здесь известный рассказ В. Кипарского о Фасмере за работой:

“Во время двухлетнего пребывания Фасмера в Швеции я посещал его трижды. Никогда не забуду картину, открывшуюся мне, когда я впервые спросил о Фасмере в Ryska Institutet. “Хочешь на него посмотреть? Нет ничего проще, прошу!” — директор института Нильссон открыл соседнюю дверь — это было огромное, совершенно голое помещение, в середине которого стояли небольшой столик и жесткий стул. На столике лежал толстый словарь и стоял ящик с карточками. На стуле сидел великий ученый и писал карточки. В скандинавских странах не так, как в немецких университетах: у профессора там нет ни секретарш, ни студентов-лаборантов, ни ассистентов или прочих помощников, к которым Фасмер привык в университете Фридриха-Вильгельма. Зато ему не нужно было заботиться ни о чем, кроме своих лекций, экзаменов и научной работы.

профессуру в Йене. В декабре 1949 г. Р. Траутманн станет вместо Фасмера директором Института славистики Берлинской академии наук [ZEIL 1986: 691]. В это время выходят его работы “Die slavischen Völker und Sprachen” (Göttingen, 1947; Leipzig, 1948), “Die Elb- und Ostseeslavischen Ortsnamen” (Bd. 1–2, Berlin, 1948–1949), “Turgenjew und Tschchow” (Leipzig, 1948).

⁸⁴ “Wir bekommen jetzt immer seltener Nachrichten aus Berlin und die Nachrichten, die ich erhalte, sind recht beunruhigend. Seit ich in Schweden bin, habe ich wohl etwa 6–7 Gutachten an verschiedene deutsche Universitäten schreiben müssen, aber die Berliner Universität brauchte von mir kein Gutachten und hat Schritte unternommen, die meine Rückkehr dorthin nahezu unmöglich machen. <...> Wenn Tr<autmann> hinkommt und, wie ich bestimmt voraussehe, sich engstens an St<einitz> hält, dann bin ich in der Lage eines unzufriedenen Sonderlings u<nd> Störenfrieds gedrängt und habe keine Aussichten, mit meinen Ansichten durchzudringen”.

⁸⁵ “Ich habe mich so sehr in mein W<örter>b<uch> vertieft und bin neben den Vorlesungen den ganzen Tag mit Lesen von Zeitschriften beschäftigt”.

⁸⁶ “Sonst arbeite ich fast den ganzen Tag im Institut, wo die Räume recht hoch u<nd> kühl sind”.

Заказывать книги и вести канцелярию было делом особого директора института, который освобождал его от всего этого. И вот так собственными руками за эти два шведских года Фасмер смог восстановить уничтоженную бомбежкой картотеку своего “Русского этимологического словаря”. Когда в 1949 году он, можно сказать, под покровом ночи покинул Швецию, чтобы последовать приглашению только что основанного Свободного университета, рукопись словаря была почти готова, и в 1950 году вышел первый его выпуск”.⁸⁷

4 декабря 1948 г. в Западном Берлине был создан Свободный университет, и уже 28 января 1949 г. декан философского факультета направляет Фасмеру неофициальный запрос о его готовности стать во вновь созданном университете профессором славистики. Фасмер отвечает быстро и заинтересованно: “Основание Свободного университета я приветствую с большой радостью и с живейшим интересом слежу за его развитием”.⁸⁸

8 февраля 1949 г. реорганизованный Берлинский университет получил имя В. и А. Гумбольдтов. После основания 9 июля 1949 г. Академии наук и литературы с центром в Майнце раздвоение Берлинского университета и немецкой Академии — институций, с которыми была связана жизнь Фасмера как ученого — стало фактом. Неопределенность ситуации в Берлине и тем самым его собственного положения тяготили Фасмера. В конце 1948 г. он пишет (письмо к Грюнлер от 28.12.48):

“В прошлом году в это же время мне казалось само собой разумеющимся, что летом я вернусь в Берлин, и я радовался этому. А сейчас мы каждый день с нетерпением

⁸⁷ “Ich besuchte Vasmer dreimal während seines zweijährigen schwedischen Aufenthaltes. Nie werde ich den Anblick vergessen, der sich mir bot, als ich zum erstenmal im Ryska Institutet nach Vasmer fragte. “Willst Du ihn sehen? Nichts ist leichter, bitte!” Institutsdirektor Nilsson öffnete die Tür ins Nebenzimmer, einen riesigen, völlig kahlen Raum, wo in der Mitte ein kleines Tischchen und ein harter Stuhl standen. Auf dem Tischchen waren ein dickes Wörterbuch und ein Zettelkasten, auf dem Stuhl saß der große Gelehrte und schrieb Zettelchen. Skandinavier kennt nicht den deutschen Institutsbetrieb: ein Professor hat dort keine Sekretärinnen, studentische Hilfskräfte, Assistenten und sonstige Gehilfen, an die sich Vasmer an der Friedrich-Wilhelms-Universität gewöhnt hatte. Dafür brauchte er sich aber auch um gar nicht außer seinen Vorlesungen, Prüfungen und Forschungen zu kümmern. Für Bücherbeschaffungen und sonstigen Papierkrieg sorgte ein besonderer Institutsdirektor, was den Forscher entlastete. Und so hat Vasmer in den zwei Schwedenjahren höchst eigenhändig das von Bomben vernichtete Zettelmaterial für sein Russisches etymologisches Wörterbuch wiederherstellen können. Als er 1949 gewissermaßen bei Nacht und Nebel Schweden verließ, um dem Ruf der neugegründeten Freien Universität zu folgen, war das Manuskript schon fast fertig, und 1950 erschien die erste Lieferung” [KIPARSKY s.d.: 19].

⁸⁸ “Die Begründung der Freien Universität begrüße ich mit großer Freude und verfolge ihre Entwicklung mit dem größten Interesse” (Universitätsarchiv der Freien Universität, NL Vasmer, zit. по: [SEEMANN 1982: 22].

ждем писем, но они ничего не проясняют. Большинство моих иностранных коллег не знают, куда я пропал, ведь в прошлом году я писал им, что еду обратно в Берлин, и они, по большей части, думают, что я там”.⁸⁹

К весне внутреннее беспокойство Фасмера достигает предела и перерастает в казалось бы невыносимую в этом человеке растерянность. “Беспорядок на моем столе, — пишет он 6 апреля 1949 г. Грюнлер, — всё растёт, отвечать на письма всё труднее. Даже книжечка с днями рождения в этом запустении куда-то пропала, и о Вашем дне рождения мне напомнила жена”.⁹⁰

Берлинская блокада была снята 12 мая 1949 г., и уже 19 мая Фасмер подал заявление об уходе из Русского института [ЕСКЕРТ 1991: 404]. Роль шведского эпизода была исчерпана. Словарь был вновь собран и почти готов к печати. Аргументы “за” перевесили, и Фасмер решил вернуться. Еще одна, последняя цитата из мемуара Н. Рейтера:

“О гостеприимстве шведов он всегда говорил с признательностью, не было, однако, впечатления, что ему у них особенно понравилось. Шведская манера “тыкать” претила ему. Он так никогда и не примирился с нею”.⁹¹

Сам Фасмер накануне отъезда из Стокгольма напишет Ю. Мягисте: “Радости мне здесь было мало”.⁹²

24 мая 1949 г. Фасмер произнес в Стокгольме по-шведски речь “Кирилл и Мефодий”.

Возвращение в Берлин

Фасмер, очевидно, заявил о своем возвращении в университет им. Гумбольдтов и в немецкую Академию наук; была запущена в ход процедура оформления виз через советское консульство в Швеции (письмо

⁸⁹ “Im vorigen Jahr um diese Zeit schien es mir selbstverständlich, dass ich im Sommer nach Berlin zurückkehre u<nd> ich freute mich darauf. Jetzt warten wir täglich ungeduldig auf Briefe u<nd> werden nicht klüger dadurch. Die meisten von meinen ausländischen Freunden wissen nicht, wo ich geblieben bin, denn im vorigen Jahr schrieb ich an sie, dass ich nach B<erlin> zurückfahre und sie vermuten mich meistens dort”.

⁹⁰ “Die Unordnung auf meinem Schreibtisch nimmt immer mehr zu und die Beantwortung von Briefen <wird> immer schwieriger. Sogar das Büchlein mit den Geburtstagen ist vorläufig in dieser Versenkung verschwunden und ich werde durch meine Frau auf Ihren Geburtstag aufmerksam”.

⁹¹ “Obwohl er für die Gastfreundschaft der Schweden immer Worte der Anerkennung fand, hat er doch nie den Eindruck erweckt, als ob es ihm bei ihnen besonders gut gefallen habe. Die Duzerei unter den Schweden war ihm ein Dorn im Auge. Er hat sich nie daran gewöhnen können” [REITER 1987: 46].

⁹² “Hier habe ich wenig Freude gehabt” (письмо от 23 сентября 1949 г. — ЕКМ ЕКЛА, f 340, m 37:23, lg. 12).

из Управления народного образования от 16. 06. 49, № 63). Официального приглашения в Свободный университет еще не было. Оно помечено *24-м августа 1949 г.*, и в нем Фасмеру предлагалось с *1 сентября 1949 г.* занять место ординарного профессора славистики в Свободном университете. По данным Л. Цайль, Фасмер имел намерение преподавать в обеих частях города, но для руководства университета им. Гумбольдтов такой вариант был неприемлем, и Фасмер был поставлен перед выбором [ZEIL 1986: 691]. Выбор его был сделан в пользу западноберлинского университета, в котором он видел продолжателя традиции *alma mater Berolinensis*.⁹³ Чуть позже, в рождественской речи 1949 г. — первой своей публичной речи перед студентами и преподавателями Свободного университета — Фасмер, назвав те черты и те имена, которые для него воплощали суть традиции Берлинского университета, обратится к студентам со словами:

“Пусть вас не покидает уверенность, что ваши учителя стремятся поддержать всякое серьезное усилие с вашей стороны и не забывают, что наука свободна и не переносит никаких политических или конфессиональных шор”.⁹⁴

Как вспоминал Н. Рейтер, важным толчком для решения Фасмера послужил пример философа Г. Лейзеганга:

“Фасмер рассказывал однажды, что вновь образованный университет не вызывал у него доверия. «Но когда я узнал, — сказал он, — что Лейзеганг в него пошел, я тоже пошел»”.⁹⁵

В “Объяснительной записке о прошлом” (*Vergangenheitserklärung*), составленной в 1948 г. по требованию руководства Йенского университета, Лейзеганг сделал заявление, характерное для его позиции *non-conformista*:⁹⁶

“Я не являюсь противником какой-либо одной определенной партии, но перед лицом всякой партии и всякой политики я представляю точку зрения науки,

⁹³ Интерпретация решения Фасмера из “восточнонемецкой” идеологической перспективы как политического шага буржуазного ученого см. в: [KRAUSE 1989: 160–165].

⁹⁴ “Seien Sie überzeugt, dass Ihre Lehrer alle ernstesten Bemühungen Ihrerseits zu unterstützen bestrebt sind und vergessen Sie nicht, dass die Wissenschaft frei ist und keine politischen oder konfessionellen Bindungen verträgt” (*Universitätsarchiv der Freien Universität, NL Vasmer, цит. по: [BOTT 2009: 21]*).

⁹⁵ “Vasmer erzählte einmal, die Neugründung sei ihm suspekt gewesen. “Als ich aber erfuhr”, sagte er, “daß Leisegang hinging, ging ich auch”” [REITER 1987: 45–46].

⁹⁶ Ср. название сборника памяти Г. Лейзеганга: “*Philosophie eines Unangepaßten: Hans Leisegang*” (hrsg. von K.-M. Kodalle, Würzburg, 2003). Как и Фасмер, Лейзеганг был практикующим лютеранином.

этики и духовной жизни в целом. Я либеральный демократ, потому что ЛДП выступает за свободу науки и против политического или религиозного диктата в науке”.⁹⁷

В *сентябре 1949 г.* Фасмер увольняется из Стокгольмского университета (ответное письмо ректора С. Тунберга помечено 23.09.49, № 77), и на *29 сентября* назначает переезд.

Из письма Б. Унбегауна⁹⁸ от 1.10.49 (№ 63):

“После всего, что Вы писали мне о ситуации в Швеции, Ваше решение вернуться в Берлин меня не слишком удивляет. И все же я восхищаюсь Вашим мужеством, хотя и знаю, что мужество себя всегда оправдывает. Многие знают это, но мало кто может так поступать. Я от души поздравляю Вас с возвращением в Вашу страну, к Вашим прежним коллегам и ученикам, в привычные, хотя и несколько изменившиеся условия. Желаю Вам большого счастья и успехов”.⁹⁹

Накануне отъезда из Швеции в открытке А. Раммельмейеру от *23 сентября 1949 г.* Фасмер на подъеме и полон планов. Он пишет:

“Дорогой господин Раммельмейер!
За последнее время много всего произошло. В августе мы были в Берлине, нас принимал Свободный университет в Далеме. Нам так понравилось, что я немедленно согласился. Через 10 дней пришло подтверждение от Магистрата и от американцев. 29. 9 мы туда переезжаем.”¹⁰⁰ Адрес

⁹⁷ “Ich bin nicht der Gegner einer bestimmten Partei, sondern ich vertrete allen Parteien und aller Politik gegenüber den Standpunkt der Wissenschaft, der Ethik und des Geisteslebens überhaupt. Ich bin Liberaldemokrat, weil die LDP die Freiheit der Wissenschaft im Gegensatz zu einer religiös oder politisch gebundenen Wissenschaft vertritt” (цит по: [DICKE 2003: 45–46]).

⁹⁸ *Борис Оттокар (Борис Генрихович) Унбегаун* (Boris Ottokar Unbegaun, 1898–973) в это время был профессором славистики в Страсбурге, куда в апреле 1945 г. он вернулся после депортации и заключения в Германии. 9 месяцев Унбегаун провел в Бухенвальде, откуда благодаря деятельному участию Фасмера осенью 1944 г. был освобожден и переведен в Берлин. Фасмер выхлопотал ему работу для Славянской комиссии Берлинской академии наук — Унбегауну была поручена расшифровка фонозаписей славянской речи, сделанных Фасмером в 1941 г. в нойбранденбургском лагере для военнопленных, см. [ВОТТ 2009: 156–159]; см. о нем тж.: [ТОЛСТОЙ 1995: 434–439].

⁹⁹ “Nachdem Sie mir über die schwedischen Verhältnisse geschrieben haben, war mir Ihr Entschluss, nach Berlin zurückzukehren, nicht allzu überraschend. Und doch bewundere ich Ihren Mut, obwohl ich weiss, dass es sich immer lohnt, mutig zu sein. Viele wissen es, aber Wenige können es tun. Ich gratuliere Ihnen vom Herzen, wieder in Ihrem Lande zu sein, mit Ihren früheren Kollegen und Schülern, und unter den gewöhnlichen, wenn auch nicht denselben, Verhältnissen arbeiten zu dürfen. Ich wünsche Ihnen viel Glück und Erfolg”.

¹⁰⁰ 29 сентября указывается как дата возвращения Фасмера (очевидно, по другим источникам) также в: [ZEIL 1986: 690]. В начале октября Фасмер уже в Берлине,

пока что Teutonenstr<asse> 4, но мы хотим найти другую квартиру.¹⁰¹ Очень радуюсь серьезным студентам. С июня я подготовил 2 выпуска (из 20) этимологического словаря (А и Б), которые уже печатаются у Винтера.¹⁰² Подготовка к печати идет дальше, я уже на слове *ветвь*, карточки заполняют 2 чемодана. Как только эта забота спадет с плеч, я напишу “Славянские древности”, рукопись которых уже довольно объемистая.¹⁰³ Только бы ничто не пропало при переезде. Сердечные приветы Вам и Вашему семейству от Вашего М. Фасмера”.¹⁰⁴

Литература

АШНИН, АЛПАТОВ 1994

Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М., “Дело славистов”: 30-е годы, Москва.

БЛАГОВО 2006

Благово Н., “Фасмер (Vasmer) Георгий (Рихард) Рихардович (Ричард Ричардович, Роман Романович)”, в: О. Кубицкая и др. (ред.), *Немцы России. Энциклопедия*, 3, Москва, 629–630.

ВАЙАН 1952

Вайан А., *Руководство по старославянскому языку*, Москва.

ВАСИЛЬКОВ, СОРОКИНА 2003

Васильков Я. В., Сорокина М. Ю. (изд.), *Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991)*, Санкт-Петербург.

и 7 октября Э. Амбургер пишет Фасмеру: “Сегодня Бройер сообщил о Вашем прибытии” (№ 63).

¹⁰¹ Это будет Libellenstrasse 2, где Фасмер проживет до конца жизни.

¹⁰² Издательство “Carl Winter”.

¹⁰³ “Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenskunde” были изданы посмертно под редакцией Г. Бройера (см. примеч. 31).

¹⁰⁴ “Lieber Herr Rammelmeyer! Inzwischen sind wir sehr rege gewesen. Im August waren wir in Berlin als Gäste der Freien Univ<ersität> Dahlem. Es hat uns so gut gefallen, dass ich gleich angenommen habe. In 10 Tagen war die Bestätigung durch Magistrat und Amerikaner da. Wir siedeln am 29. 9. dorthin über. Die Adresse ist vorläufig Teutonenstr. 4, aber wir wollen eine andere Wohnung bekommen. Ich freue mich sehr auf die ersten Studenten. Seit dem Juni habe ich 2 Lieferungen (von 20) des etym<ologischen> W<örter>buches fertiggestellt (A und B), die schon bei Winter im Druck sind. Die Ausarbeitung geht weiter, ich bin schon bei *ветвь* und die Zettel füllen 2 Koffer. Wenn ich erst diese Sorge los bin, schreibe ich eine Slav<ische> Altertumskunde, deren h<and>s<chrift> schon sehr gross ist. Es darf allerdings beim Umzug nichts verloren gehen. Herzliche Grüsse an Sie u<nd> die Ihrigen von Ihrem M. Vasmer” (частный архив М. Раммельмейера).

ВИНОГРАДОВ 1999

Виноградов В. В., *История слов*, Москва.

ВИХАВАЙНЕН 2004

Вихавайнен Т. (ред.), *Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий*, Хельсинки (http://www.kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf).

ЗАИМОВ, КАПАЛДО 1982

Заимов Й. (увод и коментар на старобългарския текст), Капалдо М. (подбор и коментар на гръцкия текст), *Супрасълски или Ретков сборник*, 1, София.

МАТЕРИАЛЫ 1962

IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, 2: Проблемы славянского языкознания, Москва.

МАЯКОВСКИЙ 1957

Маяковский В. В., *Полное собрание сочинений в 13 тт.*, 4, Москва.

МОЛИТВОСЛОВ И ПСАЛТИРЬ 1988

Православный молитвослов и Псалтирь, Москва.

ОТЧЕТ 1960

IV Международный съезд славистов. Отчет, Москва.

СДРЯ т. 1–8 —

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., 1–8 —, Москва, 1985–2008 —.

СЛРЯ XVIII в.

Словарь русского языка XVIII в., 1–6, Ленинград, 1984–1991; 7–14 —, С.-Петербург, 1995–2004 —.

СРЕЗНЕВСКИЙ I–III

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, I–III, С.-Петербург, 1893–1912 (репринт: Москва, 1989).

ТОЛСТОЙ 1995

Толстой Н. И., “Об авторе этой книги”, в: Унбегаун Б.-О., *Русские фамилии*, изд. 2-е, испр., пер. с англ.; ред. и послесл. Б. А. Успенского, Москва, 434–439.

ТРЕНИН 1991

Тренин В. В., *В мастерской стиха Маяковского*, Москва.

ТРУБАЧЕВ 1960

Трубачев О. Н., “Об этимологическом словаре русского языка”, *Вопросы языкознания*, 3, 60–69.

УСПЕНСКИЙ 1994

Успенский Б. А., “Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии”, в: Успенский Б. А., *Избранные труды*, II, Москва, 53–128.

ФАСМЕР 1907

Фасмер М. Р., “Греко-славянские этюды. II: Греческие заимствования в старославянском языке”, *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*, 12/2, 197–289.

ФАСМЕР 1909

Фасмер М. Р., *Греко-славянские этюды. III: Греческие заимствования в русском языке*, Санкт-Петербург.

ФАСМЕР 1964

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, под ред. и с предисл. Б. А. Ларина, I, Москва.

ФАСМЕР 1986

ФАСМЕР М., *Этимологический словарь русского языка*, изд. 2-е, стереотипное, пер. с нем. и доп. О. Н. ТРУБАЧЕВА, под ред. и с предисл. Б. А. ЛАРИНА, т. I, Москва.

ХАБУРГАЕВ 1986

ХАБУРГАЕВ Г. А., *Старославянский язык*, Москва.

ЦЕЙТЛИН 1986

ЦЕЙТЛИН Р. М., *Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв.*, София.

ЧЕРНЫШЕВА 2000

ЧЕРНЫШЕВА М. И., “Макс Фасмер”, в: Г. А. БОГАТОВА (ред.), *Отечественные лексикографы: XVIII–XX века*, Москва, 236–250.

AEGERTER 1998

AEGERTER R., *Die schweizerische Wissenschaft und der Osten Europas: Zur Geschichte der Slavistik und Osteuropa-Kunde* (= *Slavica Helvetica*, 57), Bern u. a.

AITZETMÜLLER 1977

AITZETMÜLLER R., *Belegstellenverzeichnis der altkirchenslavischen Verbalformen* (= *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes*, 11), Würzburg.

AITZETMÜLLER 1991

AITZETMÜLLER R., *Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft*, 2., verb. und erw., Aufl. (= *Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes*, 30), Freiburg i. Br.

AMBURGER 1986

AMBURGER E., “Zum ‘Petersburger Deutsch’”, *Zeitschrift für slavische Philologie*, 46 (= H. BRÄUER, P. BRANG (Hrsg.), *Max Vasmer: zur 100. Wiederkehr seines Geburtstages am 28. Februar 1986*), 16–18.

BAECKLUND IN MEMORIAM 1976

Astrid Baecklund-Ehler in memoriam (1908–1976) (= *Slavica lundensia*, 4), Lund.

BIOGRAPHICAL DICTIONARY

International Biographical Dictionary of Central European Emigrés 1933–1945 II/1: A – K: The Arts, Sciences, and Literature, München u. a., 1983.

BIRGEGÅRD 2005

BIRGEGÅRD U., “The History of Slavistics in Sweden”, in: G. BROGI BERCOFF u. a. (éd), *Contributions à l’histoire de la slavistique dans les pays non slaves*, Wien, 151–196 (http://www.moderna.uu.se/digitalAssets/42/42371_birgegard.pdf).

BOTT 1999

BOTT M.-L., “Ein Forschungsinstitut für Slavistik in Berlin? Max Vasmers Denkschrift 1928”, *Jahrbuch für Universitätsgeschichte*, 2, 151–180.

BOTT 2002

BOTT M.-L., “Dozentin trotz Reichshabilitationsordnung. Die Berliner Slavistin Margarete Woltner in den Jahren 1925–1950”, in: J. VAN LEEUWEN-TURNOVCOVÁ u. a. (Hrsg.), *Gender-Forschung in der Slawistik* (= *Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband 55*), Wien, 419–440.

BOTT 2004

BOTT M.-L., “‘Partisanenhaft und dilettantisch’. Der Streit um die ‘ideologischen Grundlagen’ des Dozentenlehrgangs für Slavisten an der Humboldt-Universität 1950/51”, in: M. SCHALENBERG, P. Th. WALTHER (Hrsg.), “... immer im Forschen bleiben”: *Rüdiger vom Bruch zum 60. Geburtstag*, Stuttgart, 265–295.

BOTT 2009

BOTT M.-L., "Die Haltung der Berliner Universität im Nationalsozialismus. Max Vasmer's Rückschau 1948" (= Neues aus der Geschichte der Humboldt-Universität zu Berlin, 1), Berlin (<http://edoc.hu-berlin.de/series/geschichte-hu/1/PDF/1.pdf>).

BOTT 2009a

BOTT M.-L., "Rückschau 1948. Max Vasmer's Rede «Die Haltung der Berliner Universität im Nationalsozialismus»", *Jahrbuch für Universitätsgeschichte*, 12: *Universität und die Grenzen der Rationalität*, 189–255.

BRANG, AEGERTER 2005

BRANG P., AEGERTER R., "Slawistik in der Schweiz", in: G. BROGI BERCOFF u. a. (éd.), *Contributions à l'histoire de la slavistique dans les pays non slaves*, Wien, 125–149.

BRANG, BRÄUER 1986

BRANG P., BRÄUER H., "[Nachruf] Margarete Woltner", *Zeitschrift für slavische Philologie*, 46 (= H. BRÄUER, P. BRANG (Hrsg.), *Max Vasmer: zur 100. Wiederkehr seines Geburtstages am 28. Februar 1986*), XI–XVI.

BRANG, KEIPERT 1990

BRANG P., KEIPERT H. "[Nachruf] Herbert Bräuer", *Zeitschrift für slavische Philologie*, 50, 1–15.

BRÄUER 1952

BRÄUER H., *Der persönliche Agens beim Passiv im Altbulgarischen: Eine syntaktische Untersuchung*, Wiesbaden.

DICKE 2003

DICKE K., "Anfragen an Hans Leisegangs politische Ethik", in: K.-M. KODALLE (Hrsg.), *Philosophie eines Unangepassten: Hans Leisegang*, Würzburg, 43–51.

DIE BIBEL 1925

Die Bibel oder die ganze Heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments nach der deutschen Übersetzung Martin Luthers neu durchgesehen..., Berlin.

DYBOWSKI 1987

DYBOWSKI P., "Slavenkunde und Slavistik im Lande Helmholds: Zur Geschichte des Slavischen Seminars der Universität Kiel", in: *Materialien zur Geschichte der Slavistik in Deutschland*, Teil 2 (= Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin, Bd. 50/2), Wiesbaden, 97–144.

GIRNUS, MEIER 2010

W. GIRNUS, K. MEIER (Hrsg.), *Die Humboldt-Universität Unter den Linden 1949 bis 1990: Zeitzeugen – Einblicke – Analysen*, Leipzig.

ECKERT 1985

ECKERT R., "Wolfgang Steinitz und die Vermittlung des Russischen", *Zeitschrift für Slawistik*, 30, 915–920.

ECKERT 1991

ECKERT R., "Zu Max Vasmer's Aufenthalt in Schweden", *Zeitschrift für Slawistik*, 36, 403–411.

GESANGBUCH 1910

Evangelisch-Lutherisches Gesangbuch für Kirche, Schule und Haus, 16. Aufl., Riga, Mitau.

GULYA 1996

GULYA J., "Steinitz, Wolfgang", in: H. STAMMERJOHANN (gen. ed.), *Lexicon grammaticorum: Who's Who in the History of World Linguistics*, Tübingen, 884–885.

KATZ 1951

KATZ D., "[Autobiography]", in: *A History of Psychology in Autobiography*, 4, New York, 189–211.

KATZ 1972

KATZ R., “[Autobiographie]”, in: PONGRATZ L.J. u. a. (Hrsg.), *Psychologie in Selbstdarstellungen*, Bern, 103–125.

KATZ 1928

KATZ D. und R., *Gespräche mit Kindern. Untersuchungen zur Sozialpsychologie und Pädagogik*, Berlin.

KATZ 1931

KATZ D. und R., “Die Schimpfworte des Kindes”, in: *Beihefte zur Zeitschrift für angewandte Psychologie*, 59 (= Festschrift William Stern zum 60. Geburtstag am 29. April 1931), Leipzig, 120–131.

KEIPERT 1993

KEIPERT H., “Ein altbulgarisches Gedicht von August Leskien”, *Anzeiger für slavische Philologie*, 22/1 (= Festgabe für Rudolf Aitzetmüller zum 70. Geburtstag), 105–119.

KIPARSKY S. D.

KIPARSKY V., “[Gedenkrede]”, in: *Akademische Gedenkfeier der Freien Universität Berlin für Max Vasmer am 6. Februar 1963 im Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin*, s. 1., 9–22.

KNUTSSON 1926

KNUTSSON K., *Über die sogenannte zweite Palatalisierung in den slavischen Sprachen*, Lund, Leipzig.

KRAUSE 1989

KRAUSE F., “Zur Berliner Slawistik in den Jahren 1946 bis 1950: M. Vasmer und M. Woltner”, *Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Reihe Gesellschaftswissenschaften*, 38/2, 160–169.

KÜRSCHNER 1994

“Bräuer, Herbert”, in: KÜRSCHNER W. (Hrsg.), *Linguisten-Handbuch*, 1, Tübingen, 95–96.

LESKIEN 1969

LESKIEN A., *Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik – Texte – Glossar*, 9. Aufl., Heidelberg.

LEXICON DEUTSCH-JÜDISCHER AUTOREN

Lexicon deutsch-jüdischer Autoren, 13, München, 2005.

LIEBER S.D.

LIEBER H.-J. “[Gedenkrede]”, *Akademische Gedenkfeier der Freien Universität Berlin für Max Vasmer am 6. Februar 1963 im Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin*, s. 1., 7.

LJUNGGREN 2010

LJUNGGREN M., “Historien bakom ett gammalt foto”, *Meddelanden*, 38 (= Slaviska institutionen, Stockholms universitet), 1–20.

MIKLOSICH 1862–1865

MIKLOSICH F., *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*, emendatum auctum, Wien.

NILSSON S. A.

NILSSON B., “Institutionen för slaviska språk vid Stockholms universitet, 50 år: En historik”, in: <http://www.slav.su.se/pub/jsp/polopoly.jsp?d=5919&a=20755>.

RAMMELMEYER 2010

RAMMELMEYER M., “Wie kam die Familie Rammelmeyer nach Russland? Was Tante Elsa erzählte...”, in: G. GIESEMANN, H. ROTHE (Hrsg.), *Schulbildung und ihre Weiterentwicklung: Gedenkband zum 100. Geburtstag von Alfred Rammelmeyer*, München, Berlin, 1–13.

REITER 1987

REITER N., "Persönliches zu Max Vasmer", in: N. Reiter (Hrsg.), *Max Vasmer zum 100. Geburtstag* (= Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien Universität Berlin, 66), Wiesbaden, 45–49.

ROTHER 2003

ROTHER H., "Rammelmeyer Alfred Carl Franz", *Neue Deutsche Biographie*, 21, 131–132 (<http://www.deutsche-biographie.de/pnd118748971.html>).

SCHROEDER 1953

SCHROEDER H., *Studien über Maurycy Mochmacki mit besonderer Berücksichtigung des deutschen Einflusses* (= Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts <Slavisches Seminar> an der Freien Universität Berlin, 1), Berlin.

SCHUBERT 2010

SCHUBERT G., "In memoriam Norbert Reiter", *Zeitschrift für Balkanologie*, 46, 147.

SEEMANN 1982

SEEMANN K.-D., "Die Slavistik an der Freien Universität Berlin", in: *Materialien zur Geschichte der Slavistik in Deutschland*, 1 (= Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts <Slavisches Seminar> an der Freien Universität Berlin, 50/1), 19–44.

SEEMANN 1991

SEEMANN K.-D., "Die slavistische Forschung an der Freien Universität Berlin", *Zeitschrift für Slawistik*, 36/3, 412–439.

SIEGMANN s.d.

SIEGMANN F., "[Gedenkrede]", *Akademische Gedenkfeier der Freien Universität Berlin für Max Vasmer am 6. Februar 1963 im Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin*, s. l.

SJS I–IV

Slovník jazyka staroslověnského, I–IV, Praha, 1966–1997 (репринт: С.-Петербург, 2006).

SLAWISTIK IN DEUTSCHLAND 1993

Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945: Ein biographisches Lexikon, Bautzen.

THÖRNQVIST 1948

THÖRNQVIST K., *Studien über die altnordischen Lehnwörter im Russischen*, Stockholm.

URBAŃCZYK 1981

URBAŃCZYK S., "Erinnerungen an Hildegard Schroeder", H. Riggenbach (Hrsg.), *Colloquium Slavicum Basiliense: Gedenkschrift für Hildegard Schroeder* (= *Slavica Helvetica*, 16), Bern u. a., 725–729.

URBAŃCZYK 1986

URBAŃCZYK S., "Max Vasmers Korrespondenz mit Krakauer Slavisten", *Zeitschrift für slavische Philologie*, 46 (= H. BRÄUER, P. BRANG (Hrsg.), *Max Vasmer: zur 100. Wiederkehr seines Geburtstages am 28. Februar 1986*), 384–398.

VASMER 1953

VASMER M., *Russisches etymologisches Wörterbuch*, 1, Heidelberg.

VASMER 1957

VASMER M., (Rez.): "Leskien A., Handbuch der Altbulgarischen (Altkirchenslavischen) Sprache", *Theologische Literaturzeitung*, 82/1, 49.

VASMER 1982/1960

VASMER M., "Die slavische Philologie an der Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin", in: *Materialien zur Geschichte der Slavistik in Deutschland*, 1 (=Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts (Slavisches Seminar) an der Freien

Universität Berlin, 50/1), Wiesbaden, 1982, 11–17 (впервые в: LEUSSING H., NEUMANN E., KOTOWSKI G. (Hrsg.), *Studium Berolinensis. Aufsätze und Beiträge zu Problemen der Wissenschaft und zur Geschichte der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Gedenkschrift der Westdeutschen Rektorenkonferenz und der Freien Universität Berlin zur 150. Wiederkehr des Gründungsjahres der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin*, Berlin, 1960, 545–553).

VONDRÁK 1912

VONDRÁK W., *Altkirchenslavische Grammatik*, 2. Aufl., Berlin.

WOLTNER 1956

WOLTNER M., "Schriftenverzeichnis", in: WOLTNER M., BRÄUER H. (zusammengest. von), *Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956* (= Veröffentlichungen der Abteilung für Slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts <Slavisches Seminar> an der Freien Universität Berlin, 9), Wiesbaden, 1–22.

WOLTNER 1963

WOLTNER M., "(Nachruf:) Max Vasmer", *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 31, 1–21 (S. 19–21: Nachtrag zum Schriftenverzeichnis).

ZEIL 1986

ZEIL L., "Vasmers Wirken als Mitglied der Berliner Akademie der Wissenschaften", *Zeitschrift für Slawistik*, 31, 676–692.

ZUR ERINNERUNG 1998

"Zur Erinnerung an Margarete Woltner", *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 58, 1–2.

Dr. phil. **Marina Bobrik**
Institut für Slawistik
Humboldt-Universität zu Berlin
Dorotheenstrasse 65
10099 Berlin
Deutschland
marina.bobrik@online.de